

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№

ШК.

ПОЛ.

Кем скуп. 109 110
и записки

Д

Первое издание

издано

на

1866 г.

34181

ИЛИ 1939 и
2594

ВСТУПЛЕНИЕ.

Первое Апрѣля!?... — «Тѣфу ты пропасть, что за дьявольщина?» воскликнуть гуляющіе по Невскому, увидѣвъ съ изумленіемъ объявленіе о нашей книжкѣ. — «Гм!.. Первое Апрѣля! ужь вѣрно что нибудь да ужь не спроста....» — «Пустячки, побасенки, такъ себѣ, — ничего, вздрецъ», скажутъ тѣ господа, которые читаютъ одиѣ только интересныя страницы французскихъ романовъ и занимательныя объявленія о дрожкахъ, лошадяхъ и собакахъ. — «Первое Апрѣля!... чего не задираютъ эти сочинители, чего не затрогиваютъ... Мѣсяца даже не оставили въ покоѣ, э! хе, хе....» вымолвить *иной*, душевно радуясь, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ дѣло не касается его чести и амбиціи. — «Ручаюсь, что тутъ

обманъ, непременно обманъ, — посмотрите, въдь само заглавіе свидѣтельствуеть que c'est tout bonnement un poisson d'avril.» — «Надувательная системка въ ходу-съ....» примолвить шутникъ, желая посмѣшить оставившагося тутъ же начальника своего. Словомъ толкамъ и пересудамъ не будетъ конца.

Увѣряю васъ однако, почтениѣйшіе господа, что всѣ вы крѣпко ошиблись, ошибаетесь и будете ошибаться, если такимъ образомъ станете отзываться о представляемой на судъ вашъ книжицѣ.

Конечно, спора пѣтъ, само ея заглавіе невольно какъ-то наводитъ на разные дурные, неблагопріятные толки и клеветы; сами мы не разъ объ этомъ думали, да дѣлать было нечего, такіе обстоятельства встрѣтились, что нельзя было дать другаго имени.

Но вникните-ка хорошенько, почтениѣйшіе господа, въ сущность дѣла; ну какое можетъ тутъ быть надуванье? оно такъ, все такъ, мы сами соглашаемся, что съ первымъ Апрѣля тотчасъ вкрадывается въ душу недовѣрчивость, но въдь тутъ совѣмъ другое: — вы входите въ лавку, отдаете деньги, и получаете — книгу; да, ни

болѣе, ни менѣе, какъ книгу, пріятное и полезное, такъ сказать, развлеченіе для ума и сердца. — Какое-же тутъ надуванье? Чистосердечно васъ спрашиваемъ, какой тутъ обманъ? — Нѣтъ, мм. гг., нѣтъ.... Да положимъ даже, если бы и дѣйствительно оно было такъ, если бъ и въ самомъ дѣлѣ мы рѣшились бы выкинуть вамъ какую нибудь штуку, да знаете, мм. гг., что и тогда не имѣли бы вы рѣшительно никакого права обвинять насъ. — Развѣ вы ни во что ставите дѣдовскіе обычаи? Развѣ вы позабыли ихъ? Развѣ вамъ не вѣдомо, мм. гг., что у честныхъ людей искони еще ведется обыкновеніе обманывать и надувать другъ друга въ Первое Апрѣля?—Ужъ знать такой мѣсяць надувательный въ году пришелся, и пенять не на кого.

Кромѣ этого, сами видите вы, что вся просвѣщенная Европа пользуется такимъ обыкновеніемъ и почему же намъ не слѣдовать ея примѣру? Впрочемъ, кажется и за нами дѣло не стало; посмотрите-ка въ 1-е Апрѣля....

— Чѣмъ волнуется душа всѣхъ и каждого?.. а?.. чѣмъ она волнуется?..

Обманомъ, однимъ только обманомъ, а въ Петербургѣ-то, въ Петербургѣ, — просто любо смотрѣть....

Взгляните напримѣръ на Семена Ивановича, посмотрите-ка съ какою самодовольною улыбкою пробирается онъ къ другу своему Петру Петровичу живущему на Петербургской сторонѣ. — Вотъ скрипнула дверь въ комнатѣ Петра Петровича, — входитъ Семенъ Ивановичъ и весь въ поныхахъ бросается къ нему на шею. Жена, тѣща, дѣти Петра Петровича стоятъ на порогѣ, недоумѣвая о причинѣ восторга Семена Ивановича. — Другъ, дружище, говоритъ онъ наконецъ: — Поздравляю, отъ чистаго сердца поздравляю, я думаю ты, братъ, и не ожидалъ такого благополучія? — «Что, что такое?» робко и едва внятно произноситъ изумленный Петръ Петровичъ. — Какъ! да ты развѣ не знаешь? продолжаетъ его пріятель, вѣдь его превосходительство назначилъ тебѣ награжденіе, да еще приказалъ написать благодарность.... — «Что ты....» — Ей Богу, провались я сквозь землю, если это не правда.... Петръ Петровичъ, его жена, дѣти, бросаются другъ къ другу въ объятія; — раздается крикъ, визгъ,

пискъ, — на это Семень Ивановичъ, подпершись въ бока, отвѣчаетъ сначала неистовымъ хохотомъ, а потомъ словами: «Полноте, полноте! вѣдь я васъ надулъ, развѣ не знаете, что сегодня первое Апрѣля?...» Полюбуйтесь, напримѣръ, хоть вотъ этимъ юношею, который только-что получилъ по городской почтѣ раздушенную записку отъ хорошенькой аристократки, назначающей ему свиданіе и доступъ къ которой считалъ онъ прежде не сбыточною мечтою. — Онъ бударажитъ весь свой гардеробъ, несется къ лучшему парикмахеру, душится, завивается, прихорашивается, летитъ наконецъ къ назначенному мѣсту, позабывая, что все это случается перваго Апрѣля и никакъ не соображая, что раздушенная записка не-что иное, какъ издѣліе пріятелей, сговорившихся лихо надуть его.

А посмотрите-ка, что дѣлается на Пескахъ и въ Коломнѣ.

Тамъ Ивану Кузьмичу, владѣтелю порядочнаго дома съ мезонинчикомъ, вдругъ слышались крики: «пожаръ! пожаръ!» Онъ въ ужасѣ вскакиваетъ съ мѣста, въ чемъ

былъ, т. е. въ одной сорочкѣ, выбѣгаетъ на дворъ, не взирая на то, что окна облеплены жильцами, бѣгаетъ и суетится вокругъ своего жилища. Волненіе и безпокойство Ивана Кузьмича продолжаются до тѣхъ поръ, пока главный жилецъ, какой нибудь шутникъ, не прокричитъ ему: «Иванъ Кузьмичъ! вѣдь сего дня первое Апрѣля!»

А на улицахъ просто уже комедіи выходятъ, — рассказать почти не возможно. — Обратите вниманіе на этого господина горделивой осанки, который вдругъ остановился, измѣнился весь въ лицѣ, кинулся наконецъ на середину переулка, не смотря на грязь и лужи, нагнулся и поднялъ тщательно завернутый и запечатанный пакетъ. — Онъ долго разсматриваетъ его, переворачиваетъ то на одну, то на другую сторону, сердце его сильно бьется, «кладъ, кладъ» думаетъ онъ, и дрожащими руками принимается развертывать пакетъ. Господинъ не успѣлъ вскрикнуть, не успѣлъ съ какимъ-то особеннымъ остервененіемъ отбросить найденное, какъ вдругъ форточка напротивъ отворилась, выглянуло смазливое личико и пискливый голосъ кричитъ уже ему: «Первое Апрѣля!»

Не станемъ распространяться болѣе о всѣхъ возможныхъ способахъ падуванья, употребляемыхъ перваго Апрѣля, скажемъ только, что обычай этотъ находитъ всегда много-премного поклонниковъ; такихъ даже, которые не довольствуются однимъ днемъ, а продолжаютъ слѣдовать ему во всѣ остальные дни и мѣсяцы года.

Просимъ васъ однако, любезнѣйшій читатель, не думать, что все сказанное нами сколько нибудь касается нашей книги; нѣтъ! оно такъ только къ слову пришлось. Мы не интриганты и смѣемъ увѣрить, гордимся этимъ. Скажемъ болѣе, трудъ нашъ добросовѣстенъ, до того добросовѣстенъ, что мы рѣшились даже посвятить нѣсколько страницъ однимъ пухомъ, разнымъ лживымъ анекдотамъ и совершенно невѣроятнымъ исторіямъ съ тою только цѣлію, чтобы заглавіе книги «Первое Апрѣля» имѣло какое нибудь значеніе, смыслъ; хоть сколько нибудь бы относилось къ содержанію и не показалось бы публикѣ одною пустою обманчивою вывѣскою, выставленною такъ только, для приманки. — Если же благосклонному читателю нѣкоторыя страницы, тѣ или другія, придутся не по вкусу, то да проститъ онъ насъ великодушно, или —

что еще лучше пусть вырветъ ихъ вовсе
вонъ изъ книги. Богъ съ ними, мимо ихъ!
Пусть предастъ ихъ даже пламени, заку-
ритъ ими трубку, обернетъ что нибудь,
словомъ, распорядится этою дрянью по бла-
гоусмотрѣнiю. Мы за ранѣе на все согла-
шаемся и утѣшаемся тѣмъ только, что
вѣдь «единъ Богъ безъ грѣха.»

Неразрѣш

==

ЭМАНЦИПИРОВАННАЯ ЧИНОВНИЦА.

РЕВНОСТЬ.

Есть мгновенья думъ упорныхъ,
Разрушительно-тлетворныхъ,
Мрачныхъ, буйныхъ, адеки-черныхъ,
Сихъ — опасныхъ какъ чума —
Расточительницъ несчастья
Вѣстницъ зла, воровокъ счастья
И гасительницъ ума!..

Вотъ въ неистовствѣ разбоя
Въ грудь вломилась, яро-воя —
Все вверхъ дномъ! И цѣлый адъ
Тамъ, гдѣ часъ тому назадъ
Яркимъ, радужнымъ алмазомъ
Пламенѣлъ твой свѣточъ, разумъ!
Гдѣ добро, любовь и миръ
Пировали честный пиръ!

Адъ сей... Въ комъ изъ земнородныхъ
Отъ степей и нивъ бесплодныхъ,
Сихъ отчаянныхъ краевъ,

Полныхъ хлада и снѣговъ —
Отъ Камчатки льдяно-реброй,
До береговъ отчизны доброй, —
Въ комъ онъ бурно не кишѣлъ?
Кто его — страстей изъятый,
Безсердечіемъ богатый —
Не восчествовать посмѣлъ?..

Адъ сей... Ревностью онъ кинуть
Въ душу смертнаго. Раздвинуть
Для него широкій путь
Въ человѣческую грудь!
Онъ грядетъ съ огнемъ и трескомъ,
Онъ ласкательно язвить,
Все инымъ кровавымъ блескомъ
Обольетъ — и превратитъ
Міръ — въ темницу, радость въ муку,
Счастье — въ скорбь, веселье въ скуку,
Жизнь — въ кладбище, слезы — въ кровь,
Въ ядъ и ненависть — любовь!

Полонъ чувствъ огнепалящихъ,
Вопіющихъ и томящихъ,
Проживаетъ человѣкъ
Въ страшный мигъ тотъ — цѣлый вѣкъ!
Вѣнчанъ терніетъ, не миртомъ
Молитъ смерти — смерть бы рай!
Но отчаянія спиртомъ
Напитъ черепъ черезъ край.
Рай душъ его смятенной —

Разрушать и проклинать,
И кинжаловъ всеі вселенной
Мало ярость напитать!!..

Владиміръ Бурнооковъ.

ШТУКА ПОЛОТНА.

Убѣжденный, что ничего не можетъ быть прочнѣе, дешевле и вмѣстѣ съ тѣмъ щеголеватѣе, для мебели, глянцевого ситца съ большими разводами, отправился я на дняхъ на Щукинъ дворъ, чтобы купить его нѣсколько аршинъ, для обивки ветхаго моего дивана. Я завернулъ въ первую попавшуюся на глаза ситцевую лавку. Прикащикъ стоялъ за конторкою, противъ двухъ покупателей, мужчины и дамы, которые, не обращая вниманія на его присутствіе, довольно

громко разговаривали между собою. Въ ожиданіи очереди, я прислонился къ стѣнкѣ и долженъ былъ слышать:

— Какъ знаешь, Матрена Марковна, говорилъ господинъ: — какъ знаешь, ужь это твое дѣло, а мнѣ, такъ кажется, Софьюшкѣ было бы весьма довольно и четырехъ рубашекъ, платьевъ и другихъ для свадьбы нарядовъ купили мы ей вдоволь.... чего же больше?... сама ты посуди.... притомъ, Петръ Петровичъ въ условіяхъ ничего не упоминалъ объ бѣлѣ невѣсты....

— Нѣтъ, Игнатій Васильевичъ, помнишь на сговорѣ мы сказали ему, что у Сони цѣлыя двѣ дюжины сорочекъ, тогда - какъ на самомъ-то дѣлѣ, всего семь, да и то....

— Эхъ, право! всегда наболтаешь ты лишняго! да что за бѣда, ну; что за бѣда, вѣдь считать же не станетъ....

— Полно, Игнатій Васильевичъ, и тутъ для такого радостнаго случая, станешь высчитывать.... счастье дочери....

— Вотъ все-то вы такъ, счастье дочери, счастье дочери, а я только раскошеливайся знай, да раскошеливайся, да побрякивай деньгами.... ну, ну, сколько аршинъ надо?...

— Безъ малаго 20, Игнатій Васильевичъ.

— Э, хе, хе.... вотъ то-то двадцать!.. (Обращаясь къ прикащику): Отрѣжь 20 аршинъ, да смотри, безъ вывертки, вы какъ разъ....

— Какъ можно-съ... за нами такого грѣха не водится.... сами извольте смотрѣть.

Прикащикъ отдалъ товаръ, получилъ деньги, и проводивъ до самыхъ дверей счастливую чету, обратился было ко мнѣ, какъ вдругъ, въ эту самую минуту, въ лавку вбѣжала толстая, красная, запыхавшаяся старуха, съ повязкою на головѣ и баранками въ рукахъ.

— Здѣсь, что-ли, кормилецъ, лавка купца Чистоклятина?... прокричала она произительнымъ голосомъ: кажись, тутъ... вторая съ боку.... вотъ, кормилецъ, крестница родила у меня третьяго дня дочку, такъ полтенца пришла приторговать у тебя.... не дорого возьми, родимый, всего-то на свивальничекъ младенцу крохотному, два аршинчика всего надо.... не обидь, кормилецъ, мнѣ и хозяинъ-то здѣшній знакомъ, Лукьянъ Карповичъ, дай Богъ ему добраго здравія,

и супругъ его Акулинъ Оомпишипъ тоже... такъ отпусти, родимый, два аршинчика... а по-чомъ возьмешь?...

— По девяти гривенъ....

— Что ты, что ты, Господь съ тобою, да мнѣ сказывала кума, что брала у тебя же по сороку по пяти копеекъ съ денежкой.

— Крайняя цѣна, за то посмотрите-съ, товаръ-то какой, продолжалъ прикащикъ, развертывая туже штуку полотна: добро-то какое.... износа нѣтъ....

— Ну ужь Христось съ тобою, кормилецъ, на радостяхъ-то боюсь торговаться; говорятъ, счастья за то не будетъ никакого младенцу....

Во время этого разговора, въ лавку вошелъ еще покупатель. На этотъ разъ очередь мою перебилъ оборванный сѣдой старикъ, съ небритою бородою и мутными глазами. Едва дверь лавочки успѣла захлопнуться за крикливой старухой, онъ подошелъ къ прикащику.

— Не трудитесь завертывать платно,

батюшка, произнесъ бѣднякъ: скажите, сколько берете за аршинъ?....

— Девять гривенъ...

— Нельзя-ли уступить?....

— Крайняя цѣна.... Сколько возьмете аршинъ?...

— Не знаю.

— Да вамъ на какую потребность? на сорочки или простыньки, спросилъ съ усмѣшкою прикащикъ.

— Нѣтъ, батюшка, на.... саванъ... сына.. хороню завтра....

— Шести аршинъ довольно будетъ, лишка еще останется....

— Отрѣжьте-же.... вотъ и деньги.... послѣднія....

Спустя нѣсколько секундъ, старикъ взялъ свою покупку, вздохнулъ глубоко, и вышелъ изъ лавки.

Д. Григорьевичъ

||

34181

ПЕРЕДЪ ДОЖДЕМЪ.

1.

Заунывный вѣтеръ гонитъ
Стаи тучъ на край небесъ,
Ель надломленная стонетъ,
Глухо шепчетъ темный лѣсъ.

2.

На ручей рябой и пестрой
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей сухой и острой
Набѣгаетъ холодокъ.

3.

Полумракъ на все ложится...
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.

4.

Надъ проѣзжей таратайкой
Спущень верхъ; передъ закрыть,
И «пошолъ!» — привставъ съ нагайкой —
Ямщику деньщикъ кричитъ.

Иванъ Сергѣевичъ Н. Косаревъ

==

ОДНО ИЗЪ ТЫСЯЧИ СРЕДСТВЪ НАЖИТЬ
ОГРОМНОЕ СОСТОЯНІЕ.

Одинъ шулеръ, на единѣ съ самимъ-собою, аккуратно три часа каждый день упряжился передъ зеркаломъ въ передергиваніи, и какъ-скоро замѣчалъ ошибку, малѣйшую неловкость, тотчасъ принималъ строгую фізіономію и голосомъ полнымъ благороднаго негодованія, говорилъ: «Вы подлецъ! милостивый государь! Вы шулеръ! «Что вы сдѣлали? что вы сейчасъ сдѣлали... а?... Вы знаете, какъ за такія вещи?...» И вслѣдъ за тѣмъ онъ принимался нещадно бить себя по щекамъ.... Такимъ способомъ, безъ всякой посторонней помощи и малѣйшихъ издержекъ, онъ въ короткое время достигъ въ передергиваніи искусства невѣроятнаго и, сохранивъ въ совершенной цѣлости свои бакенбарды, нажилъ въ нѣсколько лѣтъ огромное состояніе. Достигнувъ глубокой старости почтенно и счастливо, замѣчательный человѣкъ сей недавно сошелъ въ могилу, напутствуемый искреннимъ состраданіемъ друзей и уваженіемъ согражданъ. Признательные наслѣдники воздвигли надъ прахомъ его великолѣпный па-

мятникъ, съ слѣдующею краснорѣчивою
эпитафіею:

Онъ былъ, и нѣтъ его!.. Увы!.. но что межъ
нами

Свершилъ онъ—будетъ то пощажено вѣками!
Примѣрный семьянинъ, радѣтельный отецъ,
Несчастливыхъ счастья старательный содѣтель
Онъ — вѣка своего примѣръ и образецъ —
Жить будетъ въ глубинѣ признательныхъ
сердецъ

Доколѣ на землѣ почтенна добродѣтель...

ПУШКИНЪ И ЯЩЕРИЦЫ.

Московскій профессоръ С. П. Шевъ
— Въ Германіи какой-то профессоръ сло-
ревъ, весности, знающій русскій языкъ, / человекъ
весьма ограниченный, презираемый своими
слушателями, но очень много о себѣ дума-
ющій, однажды на лекціи, разговорившись о

богатствѣ и благозвучіи русскаго языка, привелъ между прочимъ слѣдующій примѣръ:

«Когда я былъ въ Римѣ, сказалъ онъ исклинвымъ, визгливо-пронзительнымъ дискантомъ: — «двѣ знакомыя дамы предложили мнѣ отправиться съ ними въ Колизей. Торжественность мѣста, освященнаго «столькими воспоминаніями, такъ сказать, «вдохновила меня, и я прочелъ моимъ спутницамъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній Пушкина. Каково же было мое «удивленіе — когда я увидѣлъ, что нѣскольکو ящерицъ и жаба, выползли изъ «норокъ своихъ и съ видимымъ наслажденіемъ слушая эту дивную гармонию, помавали головками!» Тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые подвизаются на одномъ поприщѣ съ почтеннымъ иноземнымъ профессоромъ, не худо принять къ свѣдѣнію его замѣчательное открытіе....

И СКУЧНО И ГРУСТНО!

И скучно, и грустно, и некого въ карты надуть

Въ минуту карманной невзгоды...

Жена?.. но что пользы жену обмануть?

Вѣдь ей же отдашь на расходы!

Засядешь съ друзьями, но счастья нѣтъ и
слѣда —

И черви и пики и все такъ ничтожно.

Ремизиться вѣчно не стоитъ труда

Навѣрно играть невозможно...

Крѣпиться?.. Но рано иль поздно обрѣжешься
вдругъ,

Забывъ увѣщанья разсудка...

И карты, какъ взглянешь съ холоднымъ вни-
маньемъ вокругъ —

Такая пустая и глухая шутка! ..

Таня

==

М. П. Погодинъ
КАКЪ ОДИНЪ ГОСПОДИНЪ ПРИОБРѢЛЪ СЕБѢ
ЗА ВЕЗЦѢНОКЪ ДОМЪ ВЪ ПОЛТОРАСТА
ТЫСЯЧЬ.

(Вѣдрина — Погодинъ и Вереща)

Г-нъ Бедрина, столь прославившійся своими путевыми записками, нажилъ себѣ домъ слѣдующимъ остроумнымъ и простымъ способомъ. — Жилъ въ Парижѣ русскій князь, который до самой смерти своей, послѣдовавшей на 73 году, бралъ уроки танцованія и фектованія. Учитель танцованія и фектованія являлся къ нему и тогда, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ; къ нимъ выходилъ камердинеръ князя и платилъ имъ за урокъ, говоря, что «князь занятъ». У этого князя былъ, между прочимъ, домъ находившійся въ завѣдываніи управляющаго. Г-нъ Бедрина съ свойственною ему любезностію предложилъ однажды этому управляющему пять тысячъ съ тѣмъ, что бы тотъ написалъ князю, что домъ его сіятельства пришелъ въ ветхость и угрожаетъ паденіемъ. Управляющій, взявъ съ г. Бедрина предложенную имъ сумму впередъ (предосторожность, которую вообще совѣтуютъ употреблять съ г. Бедринымъ) поспѣшилъ исполнить невинную прихоть г. Бедрина.

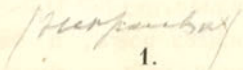
Сколь ни мало заботился князь о своих домахъ и помѣстьяхъ, извѣстіе управляющаго удивило его: онъ вспомнилъ, что четыре года тому назадъ, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ домъ свой въ цвѣтущемъ положеніи. По этому онъ написалъ письмо къ одному своему пріятелю - аристократу, въ которомъ просилъ осмотрѣть его домъ, и если донесеніе управляющаго справедливо, то велѣть ему поскорѣй продать домъ куда и совсѣмъ не развалился, хоть за чтонибудь, и деньги немедленно выслать въ Парижъ. Пріятель-аристократъ далъ знать управляющему, что въ такой-то день въ такой-то часъ онъ пріѣдетъ осматривать домъ князя и чтобъ все было готово. Встрѣженный управляющій поскакалъ къ г-ну Бедрину. Г-нъ Бедринъ, писавшій въ то время разсужденіе о добродѣтели, выслушавъ разсказъ управляющаго, не прискочилъ къ потолку единственно потому, что восторженное проявленіе радости не считалъ теперь для себя выгоднымъ; онъ ограничился тѣмъ, что поспѣшилъ включить въ свое разсужденіе о добродѣтели нѣсколько счастливыхъ строкъ, блеснувшихъ въ умѣ его во время разсказа, и какъ бы въ свою очередь почерпнувъ изъ разсужденія своего

вдохновеніе для настоящаго случая, вско-
чилъ и съ жаромъ сказалъ управляющему
нѣсколько словъ, которыя *сему послѣднему*
возвратили всю бодрость. Въ назначенный
день пріятель князя въ старой и дребез-
жавшей, но запряженной четверкой каретъ
пріѣхалъ осматривать домъ. Здѣсь все было
уже готово. Штукатурка обвалилась; въ
стѣнахъ были дыры чуть не насквозь;
кругомъ мусоръ, щебень, обломки кирпича.
Пріятель князя поморщился. Идутъ внутрь.
Пріятель князя занесъ ногу на лѣстницу
и остановился. Лѣстница вся на подпор-
кахъ; нныя ступени провалились, нныхъ
нѣтъ вовсе. «Пожалуйте, ваше сіятельство!»
(пріятель князя былъ тоже сіятельный) го-
воритъ управляющій.... «Ничего.... ей Богу
ничего! подпорки кажется крѣпки; не могу
вамъ доложить что теперь, а то я еще вчера
ходилъ, къ осмотру вашего сіятельства при-
биралъ,—ничего, Богъ пронесъ! Пожалуйте...
вотъ что развѣ та подпорка.... да ничего...
ничего, Богъ милостивъ!» Пріятель князя
опрометью бросился вонъ, и написалъ въ
Парижъ, что домъ до того гнилъ, что въ
него и войти нѣтъ никакой возможности.
Г-нъ Бедрицъ купилъ домъ у управляющаго,
получившаго приказаніе продать его хоть

за что нибудь, за 35 тысячъ, употребилъ двѣ тысячи на поправку лѣтницы и штукатурку стѣнъ, и теперь ему даютъ за него сто тысячъ, но онъ не хочетъ взять и полтора ста. Онъ перебирается туда — самъ. Желаящимъ нанять у него квартиры, совѣтуемъ торопиться, потому что опоздавъ, легко не найти ни одной свободной: многіе за честь почитаютъ жить въ домѣ г. Бедрина. Г. Бедринъ пользуется блестящею репутаціей, и въ самомъ дѣлѣ, разсужденіе его о добродѣтели написано пріятнымъ слогомъ и проникнуто чистѣйшею нравственностію.

=

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

1.

Онъ у насъ осьмое чудо —
У него завидный нравъ.
Неподкупенъ какъ Іуда,

Храбръ и честенъ какъ Фальстафъ.
Съ безкорыстностью жидовской
Какъ хаврошья мнлъ и чистъ,
Даровитъ — какъ Тредьяковской,
Столько-жъ важенъ и рѣчиствъ.
Не страшитесь съ нимъ союза,
Не разладитесь никакъ:
Онъ съ Французомъ — за Француза,
Съ Полякомъ — онъ самъ Полякъ;
Онъ съ Татаринномъ — Татаринъ,
Онъ съ Евреемъ — самъ Еврей,
Онъ съ лакеемъ — важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ — лакей.
Кто же онъ? *Модернъ Вулгаринъ .*
Менделсховичъ Вадрей!

2.

Ходитъ онъ меланхолически,
Одѣвается цинически,
Говоритъ метафорически,
Надуваетъ методически
И воруетъ артистически...

3.

(Стихотвореніе, заимствованное изъ Шиллера и Гете).

Я герой!..
Пришѣваючи жить

И шампанское пить
Завираться!
Жребіи мой:
Вечеринки давать
И себя восхвалять
И стишки издавать
И собою
Восхищаться!
Вѣрить одному
Вкусу своему
Всѣхъ блаженнѣй въ мірѣ,
Всѣхъ несчастнѣй быть:
Но какое счастье
Такъ себя любить!..

4.

РОСТОВЩИКЪ.

Было года миѣ четыре
Какъ отецъ сказалъ:
«Вздоръ, дитя мое, все въ мірѣ!
«Дѣло — капиталъ!»
И совѣтъ его премудрой
Не остался такъ:
У родителя на утро
Я укралъ пятакъ.
Страсть на вѣкъ къ монетѣ звонкой

Тотчасъ получивъ,
Сталъ у всѣхъ я собаченкой
Кто богатъ и чивъ.
Руки, ноги безъ зазрѣнья
Всѣмъ лизалъ какъ лъстець,
И семи лѣтъ отъ рожденья
Былъ ужъ я подлець!
(То есть, такъ только въ народѣ
Говорится, а за-то
Ужъ зарыто въ огородѣ
Было кое-что).
Говорять, есть страсти, чувство—
Не знакомъ, не лгу!
Жизнь по моему — искусство
Наживать деньгу.
Знать, во мнѣ раненько скупость
Охладила кровь —
Рано понялъ я, что глупость
Слава, честь, любовь,
Что весь свѣтъ похожъ на лужу,
Что друзья обманъ,
И за тѣмъ лишь лѣзутъ въ душу,
Чтобъ залѣзть въ карманъ.
Что отъ чести отъ злодѣйки
Плохи барыши,
Что подлець кто безъ копѣйки,
А не тотъ, кто безъ души.
И я свыкъся по не многу
Съ ролею скупца
И ложаюсь, молился Богу,

Чтобъ прибралъ отца...
Добрый, нѣжный былъ родитель,
Но въ урочный часъ
Скрылся въ горнюю обитель,
Навсегда угасъ!
Я не вынесъ тяжелой раны, —
Я на трупъ упалъ
И обшаривъ все карманы,
Горько зарыдалъ...
Продалъ все, что было можно
Хоть за грошъ продать,
И денжонки осторожно
Началъ въ ростъ пускать...
Чтобъ нажиться — лѣзь изъ кожи,
Лукъ да рѣдьку ѣлъ,
Ни спины, ни рукъ, ни рожи,
Вѣрьте, не жагѣлъ!
Всехъ завелъ, провелъ и вывелъ
Съ кѣмъ сойтись пришлось,
И пока не оплѣшивѣлъ,
Бралъ процентъ съ волость:
Выростать имъ какъ угодно
Волю я давалъ,
И въ цирюльню ежегодно
Косу продавалъ.
И теперь за то, подъ старость
Есть не множка тутъ
(Хлопаетъ по карману).
Пусть приходятъ люди въ ярость,
Говорять: онъ плутъ!

Шутки!... нѣтъ, побольше стою!
Я вѣдь знаю свѣтъ:
Лишь тряхни-ка я казною
Да задай обѣдъ,
Всѣ въ объятъя тотчасъ къ плуту,
Всѣ въ родню, въ друзья —
Я честнѣйшій въ ту жь минуту...
Что, не такъ-ли.... а???

Рассказъ

=

ДЯДЮШКА И ПЛЕМЯННИКЪ.

У одного петербургскаго молодого человека затѣялось дѣло по имѣнію. Сосѣдъ какой-то безпокойный сталъ оспаривать права его. Дѣло, какъ слѣдуетъ, началось и пошло своимъ порядкомъ въ той губерніи, гдѣ находилось имѣніе, а въ губернскомъ городѣ той губерніи, предсѣдателемъ того присутственнаго мѣста, куда поступило дѣло, былъ родной дядя молодого человека. Молодой человекъ, разумѣется, отложилъ всякое попеченіе о дѣлѣ въ твердой увѣ-

ренности, что не продасть же дядя родного своего племянника чужому, тѣмъ болѣе, что и дѣло-то почти правое. Однакожь случилось иначе. Дядя продалъ или — что мы! — рѣшилъ въ пользу чужаго. Молодой человѣкъ пришелъ въ ужасъ, въ ярость, и съ сердцемъ полнымъ негодованія, полетѣлъ въ губернскій городъ, вымѣщая негодованіе свое, мимоѣздомъ, на ямщикахъ; однакожь оно отъ того не уменьшилось. Осыпавъ дядю упреками въ забвеніи святости родственныхъ отношеній, нарушеніи правъ человѣчества, и во всемъ, что пришло ему въ голову, онъ воскликнулъ:

— Вы продали меня! продали! Я увѣренъ, что вы продали своего племянника!

— Продалъ, отвѣчалъ дядя, улыбаясь. — И хорошо взялъ.

— И вы не стыдитесь еще говорить!...

— Молокососъ! молокососъ! отвѣчалъ дядя, качая головой: да изъ чего ты горячишься-то! ну что было бы толку, еслибъ я рѣшилъ въ твою пользу. Я бы только далъ твоему противнику поводъ къ аппеляціи. Онъ поѣхалъ бы въ Петербургъ, началъ бы хлопотать и дѣло твое проиграно

тогда, павѣрно проиграю! Опъ человѣкъ богатой. А ты — ну ва что тебѣ вести дѣло?... Ты и послѣднія-то деньжонки чай на пирожныхъ да на актрисахъ промоталъ....

— Вотъ отъ того-то вы и продали меня, что знали, что съ меня нечего взять!... хорошъ дядя, нечего сказать!...

— Да постой умная голова, ох-о-охъ! Чему васъ учать-то только! молодежь, молодежь! ты послушай меня. Я вѣдь знаю, что у тебя ничего нѣтъ, ну и ты дѣло-бы свое проигралъ, а теперь, пока опъ себѣ въ деревнѣ сидитъ да радуется, что дѣло-то его выиграно, ты поѣзжай въ Петербургъ, подавай апелляцію, хлопочи.... вотъ тебѣ на хлопоты.... ровно половина (тутъ дядя вручилъ племяннику порядочный пукъ ассигнацій)... достанетъ! я таки не похвасталъ, что порядочно съ него взялъ.... ну и понимаешь? съ помощію Божіею, все пойдетъ хорошо....

Племянникъ кипулся въ объятія дяди, и.... и слезы ихъ смѣшались!

Съ цвѣткомъ въ рукѣ, блѣдна и одинока,
Облокотясь спиною о рояль,
Она сидѣла... Взоръ ея глубокой
Пронзительно впивался въ мракъ и даль,
И странная какая-то улыбка
Змѣилася по трепетнымъ устамъ.
И всюду тишь... лишь въ отдаленьи тамъ,
Качался чолнъ на влагѣ мутно-зыбкой...

Масловъ

—

ПОЩЕЧИНА.

Боже мой! какіе есть счастливые люди
на свѣтѣ! У инаго вдругъ ни съ того ни
съ сего обкушается богатый дядя и, хлоп-
нутый параличемъ, протянется гдѣ нибудь
на тротуарѣ, не успѣвъ прокутить и поло-

вины огромнаго достоянія, не успѣвъ даже отказать ничего кой-какимъ спротамъ, которыхъ столько любилъ, что даже — такъ единственно ради особенной пѣжности, — называлъ иногда родными дѣтьми. Другой идетъ задумавшись, свиститъ у него въ карманъ, ворчитъ въ желудкѣ, вдругъ споткнулся... глядь — подъ погами свертокъ, развернулъ — ассигнаціи!.. А иному просто какойнибудь богатой человѣкъ дать пощечину — при двухъ, трехъ свидѣтеляхъ.... Боже мой! какъ мало нужно для счастья! Одна, только одна пощечина — и счастье сдѣлано! И уже прежній бѣднякъ принимаетъ великолѣпную квартиру, ѣздитъ четверкой, знаетъ только съ избранными людьми и попробуй хоть словомъ, хоть взглядомъ затронуть его амбицію, оскорбить честь... у!... Впрочемъ, нашелся какой-то сердитый и мрачный чудакъ, вздумавшій однажды увѣрять, что счастье, пришедшее къ человѣку въ формѣ пощечины — постыдное счастье... Слушающіе пришли въ неописанное волненіе и одинъ господинъ очень почтенной и благонамѣренной наружности, выступивъ впередъ, посмѣшилъ предложить свое мнѣніе. Мало-по-малу онъ до того увлекся важностію вопроса и истина-

ностию своего убѣжденія, что вдругъ почувствовалъ приливъ вдохновенія и не смотря на то, что прежде никогда не писалъ стиховъ, импровизировалъ слѣдующіе прекрасные стихи:

Пощечина людей позорить —
Такъ думалъ въ старину народъ;
А въ наши дни — цикто не спорить —
Бываетъ и на оборотъ.
Былъ у меня бѣднякъ знакомой
Съ почтеннымъ вынуклымъ лицомъ,
Питался рѣдкой и соломой
И слылъ въ народѣ подлецомъ,
Да вдругъ столкнулся съ богачомъ:
Затѣялъ ссору съ нимъ пустую,
Пощечину изволилъ съѣсть,
Сто тысячъ взялъ на мировую
И вдругъ попалъ въ почетъ и въ честь.
Всѣ — кто и вѣдалъ и не вѣдалъ
Къ нему съ почетомъ тотчасъ
И даже тамъ вчера обѣдалъ
Кой-кто мнѣ кажется изъ васъ.
И чтожь? Вѣдь было бѣ безразсудно
Сердиться, мщенье замышлять,
Боль усмирить въ щекѣ не трудно,
Сто тысячъ мудрено достать..
А съ ними проживешь такъ чудно
И беззаботно цѣлый вѣкъ...
Не сто—пожалуйте пять тысячъ

Я самъ, какъ честный человѣкъ,
Себя сей часъ позволю высѣчь!

Импровизаторъ былъ осыпанъ громкими, единодушными рукоплесканіями, которыя вознаградили его за то, что на предложеніе его никто изъ присутствующихъ не согласился. Что-жь касается до мрачнаго и желчнаго чудака, то по справкѣ оказалось, что онъ уже три раза получалъ пощечины, но всегда такъ неудачно у отъ такихъ лицъ, что не только не могъ завести себѣ лошадей и прислуги, но даже не имѣлъ денегъ на столъ и квартиру. Онъ жилъ у одной шестидесяти-лѣтней старушки, у которой не было зубовъ во рту, но за то въ шкатулкѣ хранилось порядочное количество ломбардныхъ билетовъ....

==

**КАКЪ ИГРАЮТЪ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЪ
ПРЕФЕРАНСЪ ОБРАЗОВАННѢЙШЕ ЛЮДИ
ЕВРОПЫ.**

то образованнѣйшіе люди играютъ въ новѣйшее время въ преферансъ, это извѣстно всѣмъ, даже самымъ не образованнымъ; но какъ они играютъ? Это вопросъ, который, признаемся, тщетно бы старались

мы разрѣшить, еслибъ на дняхъ не прочли въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ подробнаго и полнаго описанія способа, приемовъ и обрядовъ, употребляемыхъ нынѣ образованнѣйшими людьми Европы при игрѣ въ преферансъ. Для пользы и назиданія соотечественниковъ, спѣшимъ подѣлиться съ ними этими свѣдѣніями.

I.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРЕФЕРАНСЪ.

Образованнѣйшіе люди Европы приглашаютъ на преферансъ особыми письмами, литографированными на отличной бѣлой бумагѣ большаго формата; сверху, на лѣвой сторонѣ, вмѣсто герба, изображено очко червонной масти. Письма заключаютъ въ себѣ слѣдующее:

«Милостивый Государь

Н. Н. (имя и отчество)

«Желая пріятнѣйшимъ образомъ провести время досуга моего въ сообществѣ достойныхъ людей, поспѣшаю имѣть честь покорнѣйше просить васъ, М. Г., такого-то числа въ 7 часовъ по полудни удостоить скромное жилище мое Вашимъ, М. Г., достолюбезнымъ посѣщеніемъ.

Просвѣщенная особа Ваша найдетъ себѣ приличную партію въ числѣ Гг.....»

И въ слѣдъ за тѣмъ, одно за другимъ, выставляются имена, отчества, фамиліи, должности или званія, лѣта, качества со-

ПРИКУПКА.

стоянія и характеръ приглашенныхъ гостей, напр:

«Иванъ Петровичъ Долгоязычный, прокуроръ, 45 лѣтъ, состоянія неукоснительнаго; горячъ».

или:

Проконъ Пантелеевичъ Кожоваловъ, откупщикъ, 51 года, состоянія почтеннаго; крѣпонецъ, но прорывается.»

Въ концѣ письма:

«Пользуюсь симъ новымъ случаемъ — принести Вамъ, М. Г., увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности».

(Подпись приглашающаго).

II.

ПРИСТУПЪ КЪ ИГРѢ.

Когда всѣ приглашенные соберутся, и разспросятъ другъ друга о здоровьѣ, хозяинъ обращается къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Мм. Гг.

«Мнѣ неизъяснимо-сладостно, что Вы, «Мм. Гг., съ такою снисходительною «точностію изволили на братскій призывъ «мой собраться единодушно, и что голосъ «мой не былъ гласомъ вопіющаго въ пу- «стынѣ!... Благодарю, тысячекратно бла- «годарю васъ, Мм. Гг. — Дѣло, къ ко- «торому призвалъ васъ, не есть дѣло мое, «дѣло частное: оно столько-же принадле- «житъ мнѣ, сколько и всѣмъ вамъ; оно — «дѣло общее! И такъ — зачѣмъ терять «драгоцѣнныя минуты? Приступимъ къ «нему съ новыми силами и для пользы об- «щественной»....

Послѣ этой краткой рѣчи, хозяинъ вво- дитъ гостей въ особія комнаты, гдѣ не- премѣнно должны уже быть не только ра- скрыты столы, разложены мелки и карты, но даже зажжены свѣчи.

Когда посѣтители раздѣлятся на партіи, они выбираютъ карты старшинства. Полу- чившій первую, т. е. младшую, привѣт- ствуетъ своихъ товарищей поклономъ и обращается къ нимъ такъ:

«Господа! Непостижимому року благо- «угодно было испослать на долю мою сію

ПАСЪ.

«младшую карту: слѣдовательно, выборъ
«мѣста принадлежитъ мнѣ по праву. Беру
«во свидѣтели небо, что въ сей предстоя-
«щей борьбѣ, я не буду искать невинной
«и безпричинной гибели моихъ ближнихъ;
«однакожь, помня первѣйшій для всѣхъ
«тварей законъ, — законъ самосохраненія,
«противъ окна (печи, дверей, на разрѣзѣ
«стола, и пр., какъ кому угодно), противъ
«окна, Мм. Гг., я не сяду».

III.

ПЕРВЫЙ РЕМИЗЪ.

Въ продолженіи игры наблюдается край-
няя тишина и благопріичіе. Кто скажетъ
такое слово, которое, по общему согласію
играющихъ, ни въ какомъ случаѣ не мо-
жетъ относиться къ игрѣ, тотъ теряетъ во
мнѣніи общества отъ 3-хъ до 4-хъ про-
центовъ и ставитъ ремизъ.

Кто взглянувъ въ свои карты, покажетъ
необузданный порывъ радости или отчаянія,
или въ разыгрываніи вдругъ вздрогнетъ или
ударитъ себя по лбу, или особенно при-

стукнетъ картой, или наконецъ изобразить на лицѣ своемъ явное уныніе, репутація того въ мѣстнѣй образованнѣйшихъ людей навсегда погибла, и кромѣ того, онъ немедленно ставитъ ремизъ....

Когда поставленъ будетъ первый ремизъ, тогда играющими исполняется слѣдующій общепринятый обрядъ:

Сдававшій, увидѣвъ по числу взятокъ, что ремизъ дѣйствительно уже совершился и игра окончилась, схватываетъ мелокъ, и поднявъ его остриемъ вверхъ, кричитъ: *Ремизъ!* Вистовавшіе повторяютъ: *Ремизъ! ремизъ!* Хозяинъ дома, гдѣ-бы онъ ни былъ и чѣмъ бы ни занимался, является на этотъ крикъ, и съ озабоченнымъ видомъ вопрошаетъ: *Ремизъ? Скажите, ради Бога! Кому и какъ?* «Ивану Петровичу» (Прокопу Павтелѣичу, Карлу Карловичу, и проч. т. е. кому дѣйствительно поставили первый ремизъ) отвѣчаютъ вистовавшіе. Потомъ начинаются распросы и критическій разборъ игры. Затѣмъ хозяинъ дома, — пожимая руку проигравшему, говоритъ отъ полноты души: *жаль, душевно жаль!* Вистовавшіе повторяютъ: *очень жаль, прискорбно жаль!* а сдававшій, записывая копсеяцію, приба-

РЕМНІЗЪ.

в Сда.

вляеть: и мнѣ также! Послѣ чего поставившій ремизъ обращается къ своимъ товарищамъ съ краткою лаконическою рѣчью въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей:

«Мм. Гг. Чувствительно для меня соболѣзнованіе ваше: я постараюсь заплатить за него вдвое! Смотря на меня, вы вздыхаете: смотря на васъ, быть можетъ, мнѣ придется плакать», и игра начинается снова.

IV.

БЕЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ.

Когда кто либо останется безъ четырехъ, то все игроки, молча и торжественно, встаютъ съ своихъ мѣстъ и мрачнымъ топомъ начинаютъ пѣть хоръ такого содержания:

Ты провалился, о несчастный!

Остался ты безъ четырехъ...

О рокъ жестокий, рокъ ужасный!

Къ чему тебя онъ приберегъ!

Еще-бъ безъ двухъ, еще-бъ безъ трехъ!

Но утѣшенія напрасны!

Остался ты безъ четырехъ.—

Безъ четырехъ, безъ четырехъ!!!

Послѣ этого хора, игроки молча отводятъ несчастнаго въ особую комнату, гдѣ оставляютъ одного и даютъ ему нѣкоторое время одуматься.

Во все продолженіе времени, пока злополучный сидитъ въ особой комнатѣ, хозяинъ и гости наблюдаютъ смертную тишину; произнести хотя бы одно громкое слово, считается крайне неприличнымъ, и потому присутствующіе изъясняются пантомимами, и то большею частію изображающими скорбь или смиренную дѣтскую покорность судьбѣ.

Поставившій четыре ремиза, принимаясь снова за игру, не говоритъ никакой рѣчи, но часто бываетъ, что изъ устъ его вырываются краткія энергическія восклицанія, въ родѣ наприм. слѣдующихъ:

«Безъ четырехъ!... Собачье счастье!...»
или: «И я дуракъ!... сажусь играть, когда
«самъ чортъ и всѣ вѣдьмы противъ меня!»

V.

ПЕРВАЯ МАЛИНА.

Кто первый выйдетъ въ малину, тотъ обыкновенно встаетъ съ своего мѣста, и,

МАЛИНА.

посмотрѣвъ на часы, громко провозглашаетъ: «Господа! я въ малинѣ!» При этомъ возгласѣ, всѣ присутствующіе также встаютъ съ мѣстъ, и низко кланяются. Хозяинъ посылаетъ за женою, а если есть дѣти, то и за дѣтьми. Когда такимъ образомъ, всѣ, необходимыя для сего торжества, лица, соберутся, хозяинъ первый подходитъ къ вышедшему въ малину, и цѣлуя его, говоритъ:

«Хотя благоденствіе всѣхъ, удостоившихъ
«посѣщеніемъ скромный уголь сей, для меня
«равно драгоценно; но, повинаясь таин-
«ственному голосу души моей, не могу не
«сказать, что мнѣ особенно пріятно прине-
«сти поздравленіе съ вождѣннѣйшей для
«для смертнаго *Малиной*, именно тому, кого
«сама судьба, такъ сказать, отмѣтила бла-
«госклоннымъ перстомъ своимъ; повѣрьте,
«Петръ Ивановичъ (или Иванъ Ивановичъ, или
«Семень Петровичъ, т. е., то лицо, кото-
«рое дѣйствительно вышло въ Малину),
«чувства, изліянныя въ сей слабой рѣчи,
«суть чувства всего семейства моего, отъ
«любезной супруги, сей вѣрной спутницы
«моей на житейскомъ пути, до этихъ не-
«винныхъ малютокъ, милыхъ дѣтей моихъ,

«простирающихъ къ вамъ свои слабыя ручки....»

За тѣмъ, хозяйка, со слезами на глазахъ, и говоря: «Это точно истина, Петръ Ивановичъ», подноситъ къ нему дѣтей. Счастливецъ, вышедшій къ Малину, беретъ ихъ на руки, цѣлуетъ въ обѣ щеки, и даетъ цѣлковый, приговаривая: «Это вамъ на малину, душечки». Если-же при дѣтяхъ есть мамка или нянька, то приличіе требуетъ дать и ей, но безъ всякихъ объясненій.

За хозяйкою подходятъ лобызаться съ счастливецемъ все остальные гости, наблюдая притомъ, чтобъ сотоварищи, т. е. игроки того стола, гдѣ произошла Малина, были первые.

Цѣлуя его, они обыкновенно говорятъ, что радуются счастью его отъ души, что они только и ждали этого, что это имъ пріятнѣе, чѣмъ еслибъ сами они вышли въ малину; что, несмотря на собственный ущербъ, они готовы нарочно проигрывать для него, и проч. и проч.

Примѣчаніе. Принимая братскіе поцѣлуи, вышедшій въ малину долженъ быть крайне остороженъ, ибо во Фран-

цій, и въ особенности въ Англіи, не разъ случались примѣры, что поздравляющій, вмѣсто того, чтобъ поцѣловать, нечаянно укушивалъ новаго счастливца, и разъ даже, въ Манчестерѣ, какому-то лорду — какой-то джентльменъ, говорятъ, совершенно откусилъ носъ, такъ-что его не могли уже представить снова даже въ Парижѣ.

Когда всѣ лобызанія окончатся, гости садятся по мѣстамъ, а вышедшій въ малину, утирая платкомъ лицо, говоритъ имъ рѣчь въ такихъ выраженіяхъ:

«Мм. Гг., Почтеннѣйшіе посѣтители дома
«сего, и ты, гостепріимный хозяинъ, чело-
«вѣкъ достойный, супругъ примѣрный, отецъ
«чадолюбивый! Къ вамъ обращена рѣчь
«моя, къ вамъ, блюстители тишины и по-
«рядка, поборники истины, защитники до-
«бродѣтели! Въ теплыхъ сердцахъ вашихъ
«заключена — любовь къ ближнему; въ
«пламенныхъ очахъ — умъ и таланты; въ
«моцныхъ мышцахъ — сила и крѣпость; въ
«душѣ — кротость и смиреніе....

«Да изліется-же предъ вами, судьи без-
«пристрастные, вся душа моя, до послѣд-

«нихъ ея истоковъ, все сердце мое, до со-
«кровеннѣйшихъ и недостижимыхъ его глу-
«бинъ....

«Сего января 25-го числа, (или февраля
5-го, марта 17, апрѣля 20, словомъ, въ ка-
комъ мѣсяцѣ и днѣ происходила игра) въ
«10 часовъ и 5 минутъ пополудни, непре-
«ложной судьбѣ угодно было вывести меня
«въ Малину. — Шумная радость и брат-
«скія искреннія поздравленія ваши едино-
«душно встрѣтили меня на семъ новомъ,
«лестномъ и блестящемъ, но въ то-же вре-
«мя и скользкомъ поприщѣ. Принося за сіе
«вамъ, Мм. Гг., неизрѣченную благодарность
«мою, первымъ и священнымъ долгомъ по-
«ставляю себѣ изъяснить предъ вами, какъ
«положеніе, въ коемъ нахожусь нынѣ, такъ
«и способъ подлежащихъ мнѣ дѣйствій.

«Я въ малинѣ; т. е. я снялъ всѣ свои
«ремизы, и теперь могу брать то, что оста-
«лось у васъ. Съ перваго взгляда такое по-
«ложеніе можетъ показаться предосудитель-
«нымъ, и какъ-бы неприличнымъ для вся-
«каго благовоспитаннаго человѣка. — Какъ!
«брать чужое, не отдавая своего, и брать
«такъ, какъ бы это было дѣломъ закон-
«нымъ?»—

«Но, мм. гг., къ нашему счастію, въ
«томъ-то и заключается мудрый и благо-
«творный законъ природы, что такое поло-
«женіе только *кажется* предосудительнымъ,
«и то съ перваго взгляда. Разберемъ это
«философски.

«Во всѣ времена, отъ первыхъ слабыхъ
«и грубыхъ зачатковъ общества, до нынѣш-
«нихъ мощно-организованныхъ и просвѣ-
«щеннѣйшихъ государствъ, вездѣ и всегда лю-
«бовь къ отечеству считалась первою и свя-
«щеннѣйшею добродѣтелью человѣка. Еще
«древніе говорили:

Любить отечество велитъ природа, Богъ —
А знать его — вотъ честь, достоинство и долгъ!

«Но что значить: любить отечество? Не
«значить ли это, что мы должны жертво-
«вать въ пользу его всѣмъ: трудами, иму-
«ществомъ, здоровьемъ и даже самою жиз-
«нію? Отсюда очевидно....

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Словомъ
ораторъ весьма логически доказываетъ слу-
шателямъ, что онъ беретъ со стола не ихъ
достояніе, а достояніе, такъ сказать, народ-
ное, общее; съ чѣмъ всѣ и соглашаются
безпрекословно.

По окончаніи рѣчи, когда слушатели уса-
дятся по мѣстамъ, и все придетъ въ пре-
жній порядокъ, хозяинъ обратясь къ своей
супругѣ, говоритъ: «А что, душечка, не
пора-ли.... того?... Господа! я полагаю время
выпить водки.» И въ-слѣдъ за тѣмъ, при-
носится водка и мелкія соленыя закуски.

Это называется *запдать малину*.

VI.

УЖИНЪ, И ПРОИГРАВШІЙ БОЛЬШЕ ВСѢХЪ.

По окончаніи игры, подается ужинъ. За
ужиномъ проигравшему больше всѣхъ ока-
зывается крайнее вниманіе. Ему первому
подають кушанья и паливаютъ лучшее ви-
но. Причемъ въ разговорахъ съ нимъ со-
блюдается утонченная деликатность. Къ име-
ни его, въ семь случаевъ, всегда прибавляютъ:
«нашъ почтеннѣйшій» или «достоинѣйшій»
или «примѣрный». Самое содержаніе разго-
вора всегда избирается такое, чтобъ въ
немъ и помину не было о проигрышѣ, ни
прямо, ни косвенно.

Послѣ ужина хозяинъ и гости пьютъ здоровье *Новопроигравшагося*. Когда все провозгласятъ его имя и опорожнятъ бокалы, онъ наливаетъ свой, благодаритъ товарищей за вниманіе, и потомъ, влѣзши на столъ, говоритъ слѣдующую напутственную рѣчь или спичь.

«Мм. гг.!... Я проигрался!... Во всякой «другой игрѣ, слово это звучитъ непріятно, «подобно звону желѣзныхъ оковъ; но въ «преферансѣ оно пробуждаетъ въ душѣ умн-«лительную мелодію, тихую и гармоническую, «какъ музыка сферъ... Великое изобрѣтеніе «XIX вѣка!... Нѣсколько лѣтъ изучаю те-«бя и жалѣю, что я не ораторъ! Пронгры-«шемъ, ты возвышаешь душу человѣка, за-«ставляешь его уноситься въ предѣлы гор-«нія и созерцать оттуда всю тщету юдоли «сей; выпрышемъ, самую юдоль сію ты «обращаешь въ цвѣтущій вертоградъ, гдѣ «подъ сѣнію деревъ, на берегу журчащихъ «ручейковъ, сладко отдохнуть усталому пут-«нику...

«Господа! пройдутъ тысячелѣтія; па-«дутъ царства, и на развалинахъ ихъ про-«цвѣтутъ новыя; историки позабудутъ име-«на Колумбовъ, Гуттенберговъ, Ваттовъ,

«прославившихъ ту часть Земнаго Шара, въ которой мы имѣемъ честь обитать. Но вмѣсто всѣхъ похвалъ ей, они скажутъ:

ЕВРОПА ИЗОБРѢЛА ПРЕФЕРАНСЪ!»

Осыпавъ оратора приличными рукопле-сканіями, гости обыкновенно расходятся домой, съ словами: «Ну, а завтра у Семена Алексѣевича.—До свиданія.»—«Завтра я уже васъ угощу.» Эти послѣднія слова обыкновенно говоритъ тотъ, кто нынче проигралъ болѣе другихъ.

Съ французскаго.

P. S. Только что мы успѣли окончить эту статью, какъ получили изъ-за границы съ послѣднею легкою почтой очень интересное извѣстіе, которое и спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ. Вотъ оно:

О ВАЖНОМЪ ОТКРЫТІИ ВЪ РИМѢ.

«На дняхъ сдѣлано въ Римѣ весьма важное открытіе, которое проливаетъ новый свѣтъ на исторію Римскаго Народа. Мы говоримъ

о четырехъ бронзовыхъ статуяхъ, открытыхъ близъ Капитолія, и изображающихъ главнѣйшіе атрибуты игры въ Преферансъ. Этимъ снова подтверждаются догадки нѣкоторыхъ ученыхъ, что знаменитая игра сія не только была извѣстна древнимъ, но и пользовалась у нихъ высокимъ уваженіемъ». Статуи сохранились хорошо. При этой статьѣ мы представили точные снимки съ нихъ. Читатель, по надписямъ, къ счастью, хорошо сохранившимся, замѣтитъ разницу въ названіяхъ употреблявшихся въ преферансъ у древнихъ съ тѣми, кои нынѣ употребляютъ. Вѣроятно самая игра еще болѣе измѣнилась. Любопытно было бы знать, въ чемъ именно, и какъ далеко ушли мы въ сей отрасли человѣческихъ знаній отъ древнихъ. Весь ученый міръ въ волненіи. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ важный! Какія будутъ открытія, незамедлимъ сообщить.

Статуи, представленныя нами въ снимкахъ, нынѣ поставлены въ Римѣ на площади *del Prefero*.

= Курьезіи

ДВА ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКА.

I.

ВОДЕВИЛИСТЪ.

Не всякаго, кто написалъ или пишетъ водевили, можно назвать водевилистомъ. Есть водевилисты, которые ничего не пишутъ, хоть и говорятъ за десятерыхъ. Подъ именемъ водевилиста должно разумѣть существо особеннаго рода, появившееся въ обществѣ съ недавняго времени и распложающееся въ немъ какъ сарапча. — Что-жь это за существо?

Если вы человѣкъ наблюдательный, вы его тотчасъ узнаете, входя въ общество, на балъ, въ театръ, на гулянье. Онъ всегда молодъ и юнъ; ему никогда не болѣе 22-хъ лѣтъ, хотя-бы зубы его и держались на проволокѣ, хотя-бы голову его и покрывалъ парикъ. Нужды нѣтъ: этотъ счастливый человѣкъ не чувствуетъ полета времени. Лицо его также молодо; но довольно степен-

по, и главное — серьёзно: какъ подобаесть мужу, а не мальчику. Если онъ говорить съ вами въ первый разъ, въ глазахъ его вы непременно читаете что-то не простое, что-то наполеоновское: такъ они смотрять съ достоинствомъ. Въ голосѣ спокойствіе; въ тонѣ увѣренность опытнаго и свѣдущаго человѣка. Главное его достоинство — всеобъемлемость, универсальность. О чемъ бы вы ни говорили, спросите: онъ не замкнется! Онъ дастъ вамъ короткій отвѣтъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ и увѣренностію въ его высокой истинѣ, хотя-бы онъ былъ нелѣпъ, какъ дважды два пять. Не думайте возражать ему! Благоразумный, онъ никогда не перевершаетъ своихъ приговоровъ, и имѣетъ похвальное обыкновеніе — свое говорить, а чужаго не слушать. Все, что онъ ни скажетъ, скажетъ именно для того, чтобъ вы слышали, *какъ* онъ говорить, а не *что* говорить; и потому-то вездѣ пробивается въ немъ способность той двусмысленности, для него всегда такой острой, въ которой часто нѣтъ никакого смысла! Но не думайте, чтобъ онъ съ первого-же раза сталъ набиваться вамъ своими островами, своими рѣдкими талантами: никогда! Онъ очень хорошо понимаетъ, что

это не въ тотъ, что это не водится, что истинныя заслуги молчатъ, что геній самъ о себѣ говорить не долженъ. Поэтому водевилистъ всегда скромнень, хоть по наружности; никогда не говоритъ вамъ прямо о себѣ, и только наканунѣ представленія новаго своего водевиля, онъ дѣлается несноснымъ надоѣдалой. Онъ забываетъ всякія приличія, всякую скромность, развозитъ афиши и билеты, проситъ, умоляетъ, то притворной шуткой, то серьёзнымъ намекомъ на достоинства новой пьесы, и такъ или иначе, а заставитъ васъ взять хоть одинъ билетъ, хоть въ раёкъ...

Если-же ваше знакомство случается не въ эту торжественную эпоху его славы, будьте увѣрены, что этотъ искусный человекъ, тѣмъ или другимъ путемъ, а ужъ непременно на другой-же день заставитъ васъ узнать всё его заслуги: въ такой-то столицѣ (столицѣ — непременно; водевилисты не терпятъ провинцій) давали его такой-то водевиль и автора вызывали; въ такомъ-то журналѣ напечатанъ отрывокъ изъ его драмы (водевилисты пишутъ все, даже трагедіи); тамъ-то помещена статейка, и преострая, объ игрѣ такого-то актера, и вотъ

по рукамъ ходять ѣдкіе куплеты на извѣстное лицо.... Если вы при встрѣчѣ намекаете ему объ этомъ, онъ съ небрежностію скажетъ: да, шалилъ! и тотчасъ перемѣнитъ разговоръ, хотя черезъ нѣсколько времени опять искусно наведетъ васъ на свои заслуги. О, въ практикѣ водевиллисты такіе искусники, такіе хитрецы! Они умѣютъ заискать вездѣ; быть вездѣ любимыми и принятыми съ улыбкой. Да и какъ иначе? Водевиллистъ лучшій компаніонъ въ обществѣ. Онъ такъ умѣетъ услужить, насмѣшить! Затѣйте балъ, танцы—вамъ больше всего нужны танцоры? — водевиллистъ танцуетъ, свободно, легко, граціозно; и я клянусь честно, онъ тамъ и тамъ ужъ успѣлъ привлечь на себя кое-какіе глазки; ужъ ему удалось кое-гдѣ пожать ручку, ужъ онъ и влюбленъ, въ двухъ или трехъ, и самъ-же говоритъ объ этомъ, и такъ мило!.. — Вамъ нуженъ партнеръ къ висту: а водевиллистъ начто? Онъ играетъ превосходно, да въ одинъ ли вистъ! во что хотите! Здѣсь онъ часто художникъ!.. — Затѣете вы театръ, музыкальный вечеръ, пѣніе: онъ актеръ, какого свѣтъ не производилъ; и трагикъ, и комикъ и пастушокъ; пѣвецъ и музыкантъ! Расказать ли смѣш-

ной анекдотъ, представить-ли въ каррикатурѣ общаго знакома: все-же онъ, вездѣ онъ! Въ такъ называемой любезности онъ превзошелъ самаго дьявола! Лицо его показавшееся вамъ въ первый разъ серьезнымъ, лощенымъ и гладкимъ, какъ паркетный полъ, теперь становится какъ напружинахъ! Въ одну минуту онъ представитъ вамъ изъ себя и бюстъ Наполеона и харю пьянаго лакея; будетъ пѣть, какъ лучшій пѣвецъ и щебетать, какъ сорока; покажетъ лучшее антраша Таліони, и вдругъ измѣнится въ неповоротливаго Стецка (изъ малор. оперы). И все это на первый разъ довольно забавно; во всемъ есть какое-то мастерство; все выпукло и гладко; но присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что все это какъ механика, все лишено жизни и души. Впрочемъ, никто не имѣетъ права требовать отъ водевилиста души. У него нѣтъ души, отъ самаго рожденія. вмѣсто души, у него въ тѣлѣ только паръ, который и дѣлаетъ его такимъ легкимъ и подвижнымъ. Вы можете быть подумаете, что это сказано рѣзко, и водевилистъ въ правѣ оскорбиться. Ошибаетесь. Нѣтъ существа снисходительнѣе, мирнѣе и, какъ я уже сказалъ, любезнѣе водевилиста. Онъ никогда

ничѣмъ серьёзно не оскорбится, и если случится, что вы увидите на лицѣ его выраженіе гнѣва, такъ это только въ шутку, для вида, точно такъ, какъ бываетъ въ водевиляхъ, гдѣ всѣ ссоры и дуэли кончаются полюбовно, стаканомъ шампанскаго, съ приправою куплетца или каламбура. О, куплетъ и каламбуръ — самыя чувствительныя струны водевилиста; его коньки. Попробуйте назвать водевилиста въ лицо самымъ площаднымъ именемъ, толкните его что есть мочи; онъ оглянется и если свидѣтелей нѣтъ — ничего: онъ отпуститъ вамъ каламбуръ, и дѣло съ концомъ. Но если дѣло при свидѣтеляхъ: бѣда! Лицо его, съ удивительною быстротою, вызоветъ бурю, уста прогремятъ угрозы, и вы погибли! Завтра на васъ написаны куплеты; они ходятъ по рукамъ, переписываются, читаются, поются; ихъ заучиваютъ пятилѣтнимъ дѣтямъ; ихъ передаютъ уличнымъ мальчишкамъ! А если водевилистъ еще и *драматическій* писатель — конечно! вы помещены въ его первой пьесѣ, подъ вымышленнымъ именемъ... Вотъ вамъ наказаніе — не правда-ли, жестокое? Вотъ вамъ мщеніе, да какое!.. благородное мщеніе, мщеніе пынѣшняго образованнаго вѣка, а не какое-нибудь

варварское, вапдальское! И это потому, что водевилисты суть лучшіе поклонники и защитники образованія и гонители невѣжества. Такъ по-крайней-мѣрѣ думаютъ они сами о себѣ. О, на этотъ разъ они люди со вкусомъ и съ разборчивостію. Они съ аптекарскою точностію и честностію умѣютъ взвѣшивать каждое достоинство свое, и отмѣчаютъ его на поляхъ своего журнала, сою амоге, красными чернилами. Они не придутъ, подобно Молиерову мѣщанину, въ восторгъ, если вы скажете имъ, что они говорятъ *прозой*; напротивъ они будутъ не довольны и удивлены, что вы этого давно не замѣтили и не поставили имъ въ талантъ и достоинство. Каждое слово свое они готовы записывать, чтобъ оставить его въ поученіе грядущимъ вѣкамъ, и никакая кокетка не смотрится въ зеркало прилежнѣе водевилиста. Да это и естественно. Водевилисты читаютъ *такъ много, много*, въ своей фізіономіи, и ничто не приводитъ ихъ въ такое умиленіе, какъ созерцаніе ея! Вотъ отчего по моему, такъ дорога пынь портретная живопись и такъ рѣдки «выспѣщныя» живописцы...

Но какъ ни мудры и возвышенны гг.

водевилисты, а и они дѣлають часто такія вещи, которыхъ нѣтъ возможности понять или опредѣлить. Конечно, это происходитъ или оттого, что *egregium humanum est*, или что гении всегда недоступны пониманію современниковъ. Однакожъ, для факта мы представимъ образцы этихъ темныхъ сторонъ водевилета. Какъ-бы вы хорошо ни постигали его, какъ бы долго ни изучали, будьте увѣрены, что рано или поздно, и тамъ, гдѣ вы меньше всего этого ожидаете, водевилистъ вдругъ отомлетъ такую штуку, которая по неволѣ поставитъ васъ въ тупикъ и разрушитъ все ваши о немъ построения! Напр., если вы привыкли слышать изъ устъ его довольно складныя и всегда острою приправленныя вещи, то вдругъ придется вамъ изъ тѣхъ же устъ внимать такому вздору, такой чистѣйшей галиматья, что вы, по выраженію Гоголя, подумаете, будто то говорить не самъ водевилистъ, а кто нибудь другой, за нимъ спрятавшійся. Вы напримѣръ знаете, что водевилистъ влюбленъ въ такую-то идеальную женщину: и что-жь? не успѣли вы задуматься о его глубокой, вулканической страсти, о которой онъ хоть и не говоритъ, но которая видна на лицѣ его, какъ нель-

зя лучше, — какъ узнаете, что онъ влюбленъ еще въ трехъ, а вдобавокъ на четвертой женится... Вамъ довелось играть съ водевилетомъ; вы привыкли думать, что онъ всегда играетъ на чистыя, потому - что расплачивается довольно аккуратно; и что жъ? — печаянно вы узнаете, что въ самой жаркой игрѣ онъ игралъ безъ гроша; и пр. Здѣсь, я полагаю, пужно искать разрѣшенія и тѣмъ непрерывнымъ несообразностямъ, какія мы видимъ въ большей части твореній нашихъ водевилистовъ. Творецъ проявляетъ себя въ твореніи — извѣстное дѣло: чѣмъ же не хороши наши водивили? Не сущіе ли это портреты самихъ авторовъ? водевильныя лица такъ ужъ устроены, что разсматривая ихъ все вмѣстѣ и каждое порознь, ни за что на свѣтѣ, никакъ не опредѣлите значеніе ихъ! Не только нѣтъ характеровъ, нѣтъ никакого человѣческаго смысла, нѣтъ человѣческаго лица, простой формы. Это какія-то новыя существа новаго міра, нелѣпаго и развѣ только потому намъ не чуждаго, что къ несчастію, мы непрерывно видимъ ихъ на сценѣ, и живемъ съ великими творцами ихъ. — Вотъ ужъ подлинно:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышуть?

Впрочемъ, надо и то сказать, что вѣдь, по выраженію какого-то ритора, гениі творятъ новыя міры; а кто больше гениі, какъ не водевилнестъ? Спросите объ этомъ у него. Вотъ почему въ ихъ гениальныхъ водевиляхъ встрѣчаются вещи, которыхъ вы одну съ другой никакъ не соедините, будь вы докторъ философіи или химіи. Напр., вы видите молодаго человѣка, страстно обожающаго такую-то прекрасную дѣву, видите престарѣлаго отца, имѣющаго дочь, имъ нѣжно любимую: хорошо. Чтожь? Этотъ же самый молодой человѣкъ, страстный любовникъ, этотъ нѣжный, чадолубивый отецъ, отпускають на счетъ дочери и любовницы такія площадныя вещи, такія вещи, которыхъ мы не скажемъ презрѣннѣйшей изъ женщинъ. Вы думаете: это разрушаетъ *такой-то* характеръ, это противорѣчитъ чистѣйшей связи между влюбленными, это наконецъ противно законамъ природы и связямъ родства: нимаю! Развѣ вы забыли, что водевилнестъ влѣпилъ здѣсь, по поводу какого нибудь слова, приличную острогу и только! — въ водевиляхъ бога-

тыя образованныя и красивыя дѣвушки, добровольно выходятъ замужъ за отъявленныхъ негодяевъ, правственныхъ и физическихъ уродовъ, которыхъ достоинство онѣ знаютъ лучше насъ! Въ водевиляхъ мужья никогда не обижаются за поруганіе своихъ правъ, а если и дѣлаютъ это, такъ для шутки; жены никогда не узнаютъ своихъ мужей; отцы весело, добродушно, а чаще сухо и вяло развращаютъ своихъ дѣтей; дяди (самый глупый народъ) все прощаютъ своимъ племянникамъ; въ водевиляхъ наконецъ, царствуетъ такой же хаосъ и вавилонское столпотвореніе, какъ въ головахъ ихъ производителей! Возьмите любое водевильное лицо, поставьте его внизъ головою, заставьте говорить ногами: лицо не перемѣнится, только будетъ эффектиѣе, и для эффекта водевилисты готовы лѣзть въ огонь и въ воду! Они и лѣзутъ, да жаль не тонуть, не говорятъ. Они сотворены изъ такого матеріала, котораго не переработаетъ никакой огонь, не поглотитъ никакая вода; и потому они безсмертны! Смерть беретъ только тѣло; а водевилисть, въ сущности, ни тѣло, ни духъ, а паръ, испареніе... Его постоянное жилище земля, въ полномъ зна-

ченіе слова, земля — несчастнѣйшая изъ всѣхъ планетъ міра!

Въ заключеніе, прошу тѣхъ, кто не найдеть въ моемъ очеркѣ ни послѣдовательности, ни полноты, вспомнить, что это совершенно зависить отъ предмета. Начинайте его разсматривать съ конца или съ середины, или ни съ конца, ни съ начала, гдѣ попало, все равно! Нигдѣ вы не найдете ничего опредѣлительнаго. Все слито, перепутано, перемѣшано.

Впрочемъ, нѣкоторыя дополнительныя черты этого лица вы найдете въ слѣдующемъ очеркѣ.

II.

НЕПРИЗНАННЫЙ ПОЭТЪ.

Musa et Apollo, и ты, о Фебъ, огневласть!
Всѣ трое, молю, подайте мнѣ силы! Пою,
пою....

Но прежде всего, гдѣ мое лучшее перо?
Гдѣ лучшія чернила? Увы! у насъ нѣтъ

хорошихъ чернилъ; у насъ все пишутъ квасомъ! Дайте-жь мнѣ краски и кисть. Кисть широкую, размашистую; краски яркія! Ихъ нужно двѣ: мрачно-темную и пламенно-красную, и я нарисую портретъ великаго мужа! Непризнанный поэтъ.... Народъ, на колѣни! Непризнанный поэтъ.... Да, онъ весь состоитъ изъ пламени и мрака: буря и пожаръ! Это волканъ, котораго жерло въ отвѣртіи завалено громадой облаковъ: пламени некуда дѣться, и оно пробивается въ щель. Вотъ почему, у всякаго unrecognized поэта — на лбу вѣчныя тучи, вѣчная буря, а на носу вѣчный пожаръ!...

Существо прошедшаго вѣка, историческая достопамятность, признанный поэтъ! Онъ вѣчный страдалецъ въ нашемъ меркантильномъ обществѣ! Страніе назначено ему съ самой колыбели! Какъ извѣстное лицо, котораго въ дѣтствѣ уронила мамка, съ тѣхъ поръ все отдаетъ водкой: такъ и поэтъ нашъ, еще на своихъ крестинахъ гремѣлъ уже людямъ проклятія! Тогда еще его не признали, и съ тѣхъ поръ онъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ. Мало: все его гонять, все клануть; главное все завидуютъ, и потому не признаютъ его поэтической

души, и вотъ онъ въ вѣчной враждѣ съ людьми! Да какъ же иначе? На то онъ поэтъ! И какой же, въ самомъ дѣлѣ порядочный поэтъ не въ ссорѣ съ вѣкомъ, съ обществомъ, съ людьми? И если не такъ, то что тогда ему пѣть? падъ чѣмъ разыгрываться фантазіи? Давно сказано, что страданіе есть пламя, въ которомъ очищается душа поэта отъ всѣхъ грязныхъ житейскихъ пятенъ.

Но позвольте, я боюсь, чтобъ моя восторженность при созерцаніи этого великаго предмета не испортила всего дѣла. Цѣлое его такъ охватываетъ мое воображеніе, что я иначе не могу приступить къ частностямъ, какъ только чрезъ сравненіе. «Не ужели съ водевиллистомъ?» скажете вы. Что дѣлать! Я знаю, что это крайне обидно для поэта, но перемѣнить нечѣмъ. «Что есть межъ ними общаго?» Не многое, но есть: во первыхъ внутренній хаосъ; во вторыхъ отсутствіе дѣйствительности и жизни; третье — великое понятіе, высокое мнѣніе о себѣ; въ четвертыхъ.... Но довольно пока. Впрочемъ, эти общія качества, сходяствуя по роду, отличаются у нихъ по видамъ. Если у водевиллиста въ головѣ хаосъ

довольно мелкій и пошлый; у поэта крупный и великолѣпный. У водевиллиста всегда въ головѣ представленія довольно мирныя, повседневныя: холостая пирушка, ссора двухъ сосѣдей, обманутый мужъ, смѣшное недоразумѣніе, и все это на улицѣ, дома, въ комнатѣ, все это съ благополучнымъ окончаніемъ, у поэта — все рѣзня! Кровь и месть! Отчаянная катастрофа, сумашедшій отъ любви, утопленница, громъ, океанъ и разрушеніе вселенной! Водевиллистъ думаетъ только о невпипныхъ куплетцахъ, о какой нибудь трудной римѣ, къ слову, напр., лошадь; поэтъ никогда такими пустяками не занимается! у него не въ римѣ дѣло, а въ цѣломъ! Идея! Водевиллистъ совершенно спокоенъ на счетъ окончанія своей пьесы: за руки и куплетецъ къ зрителямъ; поэту здѣсь-то и мученіе! Какъ лучше: утопить, задушить, заколоть, отравить, зарѣзать, повѣсить, сжечь или уморить голодомъ своихъ героевъ? Зато водевиллистъ иногда, за острымъ словцомъ, за проклятою римою ходитъ дня два, три, цѣлую недѣлю; перемараеть дести четыре: у поэта этого никогда не случается! Римы его не смутятъ! Онъ пишетъ безъ перемарокъ, на бѣло, и это-то служитъ ему лучшимъ

доказательствомъ, что онъ великій геній. Водевильнеть хоть и любитъ славу, хоть и сладко облизывается, когда въ райкѣ смѣются его остротамъ; но, иногда за немѣніемъ своего, онъ готовъ похвалить и чужое, даже, изъ скромности, признаетъ кого-нибудь и выше себя... поэтъ! гмъ! подите вы съ нимъ! Нѣтъ человѣка, котораго бы онъ поставилъ въ уровень съ самимъ собой! Пожалуй, когда вы станете передъ нимъ восхищаться Пушкинымъ, Байрономъ, Гете, Шекспиромъ, онъ тоже будетъ прихваливать ихъ, хоть и холодно; но зато, загляните хорошенько въ его душу: что тамъ онъ думаетъ! Смотрите и не удивляйтесь: это истина. «Пушкинъ! кричатъ Пушкинъ! А что такое это въ самомъ дѣлѣ? Пушкинъ оттого только и великъ, что началъ писать прежде меня! Доказательство: Пушкинъ въ своихъ стихахъ, хоть мало, а все-таки дѣлалъ перемарки, а я ни одной. Да притомъ у Пушкина есть иногда какофонія... «Байронъ! Байронъ! Пожалуй, онъ путешествовалъ, былъ въ Греціи, видѣлъ море, — вотъ и все. Впрочемъ, что написалъ Байронъ, то еще лучше, и еще глаже, могу написать и я, и все скажутъ: укралъ у Байрона, когда это все мое собственное!...

Шекспиръ ихъ хваленый!... Ге, ге, ге... выдумали: великъ! великъ! А у Шекспира часто и смысла нѣтъ?...» Словомъ, нашъ поэтъ есть такой ужь какой-то, котораго еще и мѣръ не создавалъ: но вся бѣда — не признанъ въ комъ! — Нѣтъ, водевилнсть на этотъ разъ гораздо скромнѣе. Онъ думаетъ: «Чтожь? Ну, такъ, Шекспиръ великъ; не спорю; а, впрочемъ, чѣмъ же дурна и моя сцена изъ новой драмы? Какое тамъ монологъ какогонибудь художника? Игрушка!... А водевилъ? Въдь въ Питерѣ восхищались...» — Поэтъ, Пушкина, Шиллера, Гете, Байрона, и проч. считаетъ личными своими врагами — соперниками; остальныхъ поэтовъ онъ не удостоиваетъ взглядомъ, и бѣда новому свѣтлу, которое загорится на горизонтѣ отечественной литературы! Онъ въ каждой буквѣ его стиха отыщетъ нелѣпицу и недостатокъ грамматическаго смысла; водевилнсть напротивъ: Пушкинъ, Шиллеръ, etc — его друзья и пріатели; онъ съ ними за панибрата, ихъ сверстникъ и ровесникъ. Поэтъ не можетъ вынести ни одного стиха, къмъ бы то ни было помѣщеннаго въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ; водевилнсть, напротивъ, отыскиваетъ иногда въ «Биб. д.

Чт», и еще кое-гдѣ очень хорошенькіе стишки и не стыдятся восхищаться ими открыто. — Переходя отъ литературы къ практической жизни, находимъ одно и тоже: у поэта все враги! Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы, по словамъ его, не сдѣлалъ или не хотѣлъ сдѣлать ему зло: все гонятъ, все преслѣдуютъ! Зависть, зависть, какъ я сказалъ, вотъ главный источникъ ихъ вражды! У водевилиста, напротивъ, все пріатели и друзья. — Если поэтъ съ вами поссорился: кончено! Онъ говоритъ: «ссора моя вѣковая, вражда непримиримая!» Но не страшитесь этой мрачной грозы! Стоитъ только гдѣ нибудь сказать: «вотъ истинный, великій поэтъ», тучи тотчасъ разсѣются и поэтъ самодовольно произнесетъ: «да, такой-то не хорошій человѣкъ, но я его уважаю за его умъ.» Такъ точно и водевилистъ, который впрочемъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ ссорахъ, все вамъ проститъ, если вы скажете: «впрочемъ — онъ очень умный человѣкъ, и это видно по лицу.»

Если во внутренней организаціи этихъ двухъ пріателей нашихъ нашли мы нѣкоторыя сходства, то, рассматривая ихъ внѣшность, найдемъ большія противоположно-

сти. Начнемъ съ физиономіи. Поэтъ, какъ уже извѣстно, непремѣнно долженъ смотрѣть бурю: лицо его всегда пасмурно, мрачно; слѣды страстей, самыхъ пламенныхъ, утратъ самыхъ горестныхъ, видны на немъ. При этомъ во всемъ непремѣнно должно быть нѣчто *рыдающее, вопіющее*, чтобъ всякій видѣлъ, что нашъ поэтъ не простой, что онъ жилъ, страдалъ, дрался въ кровопролитной битвѣ съ желѣзнымъ рокомъ, и потому носитъ на себѣ все слѣды этой несчастной битвы! Его юность была не нашей чета! Онъ *кутилъ* во всю мочь, но *кутилъ* не изъ простаго, низкаго желанія только покутить: нѣтъ, чтобъ этимъ заглушить боль глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ему людьми — крокодилами, и въ особенности женщинами — сиренами! Женщина! любовь! Вотъ первоначальныя темы его пѣсней, его восторговъ и проклятій! Извѣстно, поэтъ — онъ любилъ, какъ въ наше время ужъ не любятъ, глубоко, страстно, пламенно, мрачно, и она не поняла! Адъ и проклетіе! (вино для смягченія злосчастій). Итакъ, вы видите, какими путями поэтъ выслужилъ, выстрадалъ себѣ красивый носъ, впалые глаза, глубокія морщины, растрепанные, развѣянные по вѣтру

волоса! Ну, не истинный-ли онъ поэтъ? И можно-ли сравнивать съ нимъ какого-нибудь водевилиста?... Да, съ послѣднимъ, правда, ничего подобнаго не можетъ случиться. У него и лицо всегда молодо, гладко, спокойно, хоть это и не простое спокойствіе, а *творческое!* Водевилистъ тоже кутитъ въ своей вѣчной юности, но онъ кутитъ по простому и прямому влеченію; его нельзя ничѣмъ спойть, и носъ его такъ устроенъ, что никогда не дѣлается к аснымъ! Притомъ, водевилистъ влюбляется въ шестерыхъ разомъ, и ничуть не страдаетъ отъ потерь и измѣнъ: онъ тотчасъ найдетъ новыхъ утѣшительницъ, тогда - какъ, по увѣренію поэта — любить можно только однажды въ жизни, одну, завѣтно и вѣчно. Водевилистъ всегда приглаженъ, чисто и ловко одѣтъ, ходитъ стройно, смотритъ браво: у поэта все на-оборотъ! Вѣчно растрепанъ, одѣтъ въ какой-то хаосъ, ходитъ согнувшись, смотритъ кисло! Водевилистъ умѣетъ всѣмъ воспользоваться: нѣтъ у него жилета, онъ наглухо застегиваетъ сюртукъ или фракъ, и говоритъ: это послѣдняя мода; всѣ вѣрятъ и восхищаются. Поэтъ не любитъ щеголять; но иногда вздумается ему сшить рѣдкій какой-нибудь жилетъ или

фракъ: и что-жь? все это пестро и красно; надѣто странно, смѣшно; сшито косо, мѣшкомъ. Замѣйте ему объ этомъ, онъ съ презрѣніемъ скажетъ: «Я не поклонникъ пошлыхъ модъ и модниковъ не подражатель.» На балѣ, напр., водевилецъ танцуетъ себѣ, что есть мочи, съ жаромъ, съ упоеніемъ; поэтъ, если удостоитъ своимъ посѣщеніемъ это жалкое сборище людей, то останавливается гдѣ-нибудь на возвышеніи, складываетъ крестомъ руки, и смотритъ на танцующихъ, съ ѣдкой насмѣшкой, бичуя ихъ своими эпиграммами, которыхъ впрочемъ никто не слышитъ! — Если гдѣ затѣется маскарадъ: водевилецъ въ восторгѣ! Тутъ-то случай показать свои дарованія! Изъ тысячи водевилей выбираетъ онъ самое замысловатое лицо, и является вдругъ какимъ-нибудь студентомъ, артистомъ, хористомъ, оперистомъ, съ прибавленіемъ 30-ти другихъ истовъ, до сапогочиста включительно. Поэтъ, напротивъ, выбираетъ самое злѣйшее лицо самой злѣйшей трагедіи, и является въ общество — о, ужасъ! ужасъ! ужасъ! палачемъ или разбойникомъ... Итакъ, одинъ изъ нихъ — смѣша, казнить; другой, казня смѣшитъ! Итогъ одинъ....

Вотъ люди! Есть-ли имъ подобные?

Эти небольшія аналогическія сходства и различія двухъ нашихъ геніевъ, явно открываютъ намъ ихъ внутреннюю бѣдность, грубость, пошлость, самолюбіе, восходящее до низости, тщеславіе до глупости! Скажите имъ обоимъ какую угодно гиперболическую лесть, назовите ихъ какимъ угодно славнымъ именемъ, хоть явно въ насмѣшку, они, право, оба примутъ это за чистую монету, только поэтъ будетъ такъ простъ, что тотчасъ и покажетъ это, а водевилистъ скроетъ. На этомъ слѣлкѣ можетъ ловить ихъ всякій. И знаете, кто больше всего и лучше пользуется такой окказіей? Пожилыя женщины, которымъ давно ужъ и очень крѣпко хочется за-мужъ! Они расхваливаютъ ихъ необыкновенныя дарованія и показываютъ, что очарованы ими самими. Этого довольно. Наши герои тотчасъ дѣлаются мужьями, это вѣдь такъ легко, и начинаютъ хвалить встрѣчному и поперечному рѣдчайшія достоинства своихъ женъ. Музы никогда не были ни умѣе, ни милѣе, ни любезнѣе ихъ женъ. Мужья въ восторгѣ! Поэтъ говоритъ, что онъ нашель, наконецъ, женщину, которая постигла его, и въ-слѣдствіе этого, онъ ужъ примиряется съ судьбою (которая, сказать правду, никогда

и не думала удостоить его своею враждой); водевильстѣ не говоритъ такихъ вздоровъ, а просто: «Моя жена — объядѣнье! Славно поетъ и играетъ: чудная могла бы быть актриса! Да мы съ ней разыгрываемъ театръ дома». (Тутъ непременно острота). Оба генія наживаютъ дѣтей цѣлую кучу и воспитываютъ ихъ по-своему; но поэтъ недоволенъ плодородностию жены — большая обуза, большія издержки! Водевильстѣ объ этомъ не заботится. Ему все равно: чѣмъ больше, тѣмъ лучше: можно на домашнемъ спектаклѣ своей семьей разыгрывать даже трагедіи... Поэтъ старѣетъ, дѣлается скупъ, жаденъ, начинаетъ барышничать всѣмъ, бросаетъ наконецъ неблагодарную поэзію, которая столько сдѣлала ему зла, торжественно проклинаетъ ее и впадаетъ въ міръ самой гнусной прозы: водевильстѣ до конца одинъ и тотъ-же; онъ никогда не старѣетъ; поетъ, говоритъ и сочиняетъ куплеты и водевили; онъ не скупъ, не жаденъ, но и не щедръ; и это не по благоразумію, а такъ, по безпечности. Не смотря на то, что поэтъ, подъ конецъ жизни, по-видимому, прощается съ поэзіей,—мысль, что онъ именно великій, но непризнанный поэтъ, не покидаетъ его до могилы. Онъ увѣренъ, что потомство

воздвигнетъ на ней памятникъ съ надписью:
«Великій поэтъ — жилъ, какъ писалъ».
Водевильстѣ доволенъ увѣренностію, что по
немъ никто не напишетъ лучшаго воде-
виля....

Заклучимъ: оба эти лица жалки, пусты, ни-
когда не могутъ они взглянуть прямо въ
свою сущность и никогда не думаютъ объ
этомъ. А между тѣмъ, они проживаютъ

много лѣтъ въ свѣтѣ, дѣлають много зла, хоть потому, что распложаютъ себѣ подобныхъ. Одна только смерть, прикасаясь къ нимъ своею величественною рукою, заставляетъ насъ вѣрить, что и они были люди... Но ни за что въ мірѣ не захотѣлъ бы я взглянуть на мертвыя лица моихъ героевъ.

— и н ѣ .

==

**КАКЪ ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИ-
ВЫМЪ СНАМЪ.**

Фарсъ совершенно-неправдоподобный, въ сти-
хахъ, съ примѣсю прозы. Соч. гг. Пружинина,
Зубоскалова, Блюпяткина и К°.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось...
Жуковскій (Ундина).

I.

Мѣсяцъ блѣдный сквозь щели глядитъ
Непритворенныхъ плотно ставней...
Петръ Иванычъ свирѣпо храпитъ
Подлѣ вѣрной супруги своей.
На его оглушительный храпъ
Женишъ носъ деликатно свиститъ.
Снится ей черномазый Арапъ
И она отъ испуга кричитъ.
Но, не слыша, блаженствуетъ мужъ,
И улыбкой сіяетъ чело:
Онъ помѣщикомъ тысячи душъ
Въ необъятное въѣхалъ село.
Шапки снявши, народъ передъ нимъ
Словно въ бурю валы на рѣкѣ...
И подходятъ одинъ за другимъ
Къ благосклонной боярской рукѣ.
Произноситъ онъ краткую рѣчь,
За добро обѣщаетъ добромъ,
А виновныхъ грозитъ пересѣчь

И уходитъ въ хрустальный свой домъ.

Тамъ шинель на бобровомъ мѣху

Онъ небрежно скидаетъ съ плеча...

«Заварить на шампанскомъ уху

«И зажарить въ сметанѣ леца!

«Да живѣй!... Я шутить не люблю!»

(И ногою значительно топъ).

.

.

Всѣхъ величьемъ своимъ устранивъ,

На минуту вздремнуть захотѣлъ

И у зеркала (былъ онъ плѣшивъ)

Снялъ парикъ и... какъ смерть поблѣднѣлъ!

Гдѣ была лунолицая плѣшь,

Тамъ густые побѣги волосъ,

Взглядъ убійственно нѣженъ и свѣжъ

И короче значительно носъ...

Постоялъ, постоялъ — и бѣжать

Прочь отъ зеркала, съ блѣднымъ лицомъ...

Вотъ закурясь подкрался опять...

Посмотрѣлъ... и запѣлъ нѣтухомъ!

Ухвативши себя за бока,

Чуть касаясь ногами земли,

Принялся отдирать трепака...

«Ай лю-ли! ай лю-ли! ай лю-ли!

«Ну узнай-ка теперича насъ!

«Каково? каково? каково?

.

.

И грозя, проходившей чрезъ дворъ,

Чернобровкѣ, лукаво мигнулъ
И подумалъ: «у! тонкой ты воръ,
«Петръ Иванычъ! Куда ты метнулъ!...»
Растворилася дверь и вошла
Чернобровка, свѣжа и плотна,
И на столъ накрывать начала,
Безотчетнаго страха полна...
Вотъ ужь подавъ и лакомый лещъ,
Но не ѣсть онъ, не ѣсть, трепеща...
Лещъ, конечно, прекрасная вещь,
Но есть вещи и лучше леща...
«Какъ зовутъ тебя милая?... ась?»
— Палагеей. — «Зачѣмъ же, мой свѣтъ,
«Босикомъ ты шатаешься въ грязь?»
— Башмаковъ у меня, сударь, нѣтъ. —
«Завтра-жъ будутъ тебѣ башмаки...
«Сядь... поѣшь-ка со мною леща...
«Дай-ка муху сгоню со щеки!...
»Какъ рука у тебя горяча!...
«Вотъ на дняхъ я поѣду въ Москву
«И гостинецъ тебѣ дорогой
»Привезу...»

II.

Между тѣмъ на яву
Все обычно шло чередой...

Но событія таковы, что ихъ рѣшительно
не видится необходимости воспѣвать сти-

хами. Въ то время, какъ въ спальнѣ не слышалось ничего, кромѣ носоваго деликатнаго свиста, и не менѣе гармоническаго храпа, на кухнѣ замѣтно уже было движеніе: кухарка, она-же и горничная супруги Петра Иваныча, проснулась, накинула на себя какую-то красноватую кофту, и удостоверившись, черезъ дверную сважину, что господа еще спятъ, поспѣшно вышла, затворивъ за собою дверь задвижкой. Всегда ли она такъ дѣлала, или только на сей разъ позабыла прицѣпить къ задвижкѣ замокъ — неизвѣстно. Мракъ неизвѣстности покрываетъ также причину и цѣль ея отлучки; извѣстно только, что направилась она въ который-то изъ верхнихъ этажей того-же дома. Съ достовѣрностію можно еще предположить, что отлучилась она искать соотвѣтствующей ея званію и наклонностямъ компаніи, потому-что хотя былъ еще весьма ранній часъ утра, но по всей лѣстницѣ уже шнырали взадъ и впередъ кухарки, лакеи и горничныя, кто съ кувшиномъ воды, кто съ коробкой угольевъ, и на всѣхъ этажахъ слышались громкіе голоса, веселый визгливый смѣхъ и шарканье сапожныхъ щетокъ. Черная лѣстница играетъ важную роль въ жизни петербургскаго двороваго человѣка: на

ней проводить онъ лучшіе часы жизни своей — часы, въ которые пугливый слухъ его не напрягается безпрестанно: не звонитъ ли баринъ? а мысль, что баринъ можетъ появиться печаянно и схватить его за вихоръ прежде, чѣмъ успѣетъ онъ подавить веселую улыбку, и придать физиономіи своей угрюмо-почтительное выраженіе, такъ далека, что онъ даже забываетъ, что у него есть баринъ. Здѣсь обсуживаются добродѣтели и недостатки господъ; разсуждается о томъ, что такое барыня, и вольно льется пѣсня про барыню, про которую такъ любить пѣть русскій человѣкъ, и про которую знаетъ столько прекрасныхъ пѣсенъ; производится вслухъ чтеніе газетныхъ объявленій. Объявленія: «нуженъ человѣкъ, для комнатъ, красивой наружности, высокаго роста и съ хорошимъ аттестатомъ», и тому подобныя, особенно интересуютъ слушателей и бываютъ поводомъ жаркихъ продолжительныхъ преній, иногда не лишенныхъ интереса и для тѣхъ, кто не ищетъ мѣста въ лакеи. Наконецъ любезность двороваго человѣка, столь ему свойственная, разыгрывается здѣсь во всемъ просторѣ своемъ.

Но будетъ объ лѣстницахъ. Не прошло пяти минутъ по уходѣ кухарки, какъ дверь

тихонько скрипнула и въ кухню осторожными шагами вошелъ чело вѣкъ, нѣсколько измятой, но благонамѣренной паружности, въ родѣ тѣхъ благородно-бѣдныхъ существъ, которыя ели и просятъ милостыню, то не иначе, какъ по документу, напоминающему

краспорѣиємъ своимъ лучшіе страницы тѣхъ произведеній, которыхъ разошлось по обширному нашему государству по сороку изданій:

«Преданный Вамъ всѣми силами души, благоговѣющее передъ Вами чело-
«ловѣческое существо, которое въ на-
«стоящее время отъ невыносимыхъ
«страданій, отъ смерти политики, по-
«хоронивъ себя за-живо, безъ сред-
«ства удержать за собою бывшее доброе
«имя, и даже самое право на званіе
«человѣка.... Павъ ницъ, молитъ кро-
«вавою слезою изъ гроба отчаянія по-
«мочь плачь долѣ горькаго бѣдовика...»

Несомнѣнные признаки ихъ — семь чело-
вѣкъ дѣтей (непремѣнно семь, ни больше,
ни меньше), мать на одрѣ страданія, языкъ нѣ-
сколько запинаящійся при извѣщеніи, что
третьи сутки (тоже ни больше, ни меньше)
не было уже маковой росинки во рту и дру-
гихъ увѣреніяхъ, и чувство собственного
достоинства, стоящее тридцать пять копѣ-
екъ, потому-что они непремѣнно обидятся
подачей меньше гривенника, на что, впро-
чемъ, благородство происхожденія дастъ

имъ полное право. Они очень-хорошо знаютъ дорогу къ кабаку, и могутъ сказать о себѣ, что въ кабакахъ ихъ знаютъ.

Впрочемъ знаютъ они много и другихъ дорогъ. Если вздумается, входятъ въ квартиру, и колокольчикъ у вашей двери, приведенный въ движеніе ихъ рукою, издаетъ какой-то особенный, робкій и молящій звукъ, какъ будто у него тоже семь человѣкъ дѣтей и мать на одрѣ страданія. Входятъ иногда и не позвонивъ, а просто потрогавъ сначала ручку не-запертой на замокъ двери, — и тогда входятъ съ особенною осторожностію, и если не встрѣтятъ никого въ первой комнатѣ — нацыпочкахъ пробираются во вторую, тамъ въ третью — и вздрагиваетъ и блѣднѣетъ какой нибудь задумавшійся или заработавшійся господинъ, у котораго человѣкъ ушелъ въ лавочку купить четверку табаку, — увидѣвъ передъ собою, какъ будто съ неба упавшую, незнакомую и странную фигуру. Но особенно любятъ они навѣщать навѣзжающихъ въ столицу художниковъ, фокусниковъ, всякихъ артистовъ и артистокъ — московскихъ и заграничныхъ, къ которымъ являются обыкновенно съ такими пьсьмами:

«Милостивѣйшій государь!

«Есть несчастный сирота, обремененный
«малолѣтнимъ многочисленнымъ семей-
«ствомъ, участь котораго заслуживаетъ
«состраданіе всякаго, имѣющаго душу,
«способную понимать бѣдствія ближняго.
«На разцвѣтѣ лѣтъ, онъ потерялъ доб-
«рую, кроткую мать и въ слѣдъ затѣмъ
«чадолюбиваго отца—оставившаго на его
«попеченіе семерыхъ малютокъ. Перено-
«ся всѣ страданія съ христіанскимъ тер-
«пѣніемъ, возвышающимъ душевное до-
«стойство, онъ снискиваетъ пропитаніе
«какъ помощію благотворительныхъ лицъ,
«такъ и самою работою, которая едва
«дастъ возможность поддерживать ввѣ-
«ренное ему судьбою семейство. Несча-
«стный этотъ — податель сего письма. Я
«же, не имѣя чести знать васъ лично, и
«потому лишаясь права удостовѣрять пре-
«ждевременно въ истинѣ моего къ вамъ
«уваженія, надѣюсь, что Вы, какъ артистъ,
«понимающій душу угнетенныхъ судьбою
«людей, не разсердитесь на меня за то,
«что я рѣшилась доставить вамъ торже-
«ство истинно христіанское (крупными
«буквами): *помочь несчастному!* Десять,

« пять или даже рубль серебромъ пожертвовать семерымъ для васъ ничего не
« составить, сиротъ же заставить пролить
« слезы благородности, какъ предъ обра-
« зомъ Христа Спасителя, такъ и передъ
« общимъ покровомъ всѣхъ — Пресвятой
« Богородицей.

« Я былъ постояннымъ свидѣтелемъ
« вашего торжества и, соглашаясь съ еди-
« нодушнымъ отголоскомъ просвѣщенной
« публики, повторяю еще разъ—(крупнѣй-
« шими буквами): *вы великій артистъ!* О,
« признаюсь откровенно, душевно благода-
« рилъ публику за пріемъ, коимъ она по-
« чтитъ нежданнаго дорогаго гостя...

« Христіанское состраданіе — не есть
« ли удѣлъ артистовъ? Помогите несча-
« стному, и новый, спасительный подвигъ
« увѣковѣчитъ ваше пребываніе въ Пе-
« тербургѣ.

« Съ душевнымъ почтеніемъ и таковою-
« же преданностію имѣю честь быть сви-
« дѣтелемъ вашего торжества»

и пр.

Кто имъ пишетъ такія письма—Богъ знаетъ. Но подъ ними обыкновенно читаешь подпись: генераль такой-то, или генеральша такая-то, — какихъ, разумѣется, сроду никто не слыхиваль, и какихъ не увидить и во снѣ даже благонамѣренный человѣкъ, весь вечеръ, наканунѣ новаго года, продумавшій какъ бы кого не забыть завтра поздравить?

Такой-то человѣкъ появился въ кухнѣ. Впрочемъ, можетъ статья, что онъ былъ и не совсѣмъ такой человѣкъ, о какихъ мы говорили; а просто такой, какихъ въ Москвѣ называютъ: ширяло, а въ Петербургѣ: мазурикъ; то есть, малый съ дѣтскихъ лѣтъ пристрастившійся къ легкому промыслу и голодающій по трои сутокъ, чтобъ пополамъ со страхомъ и трепетомъ пропить въ какомъ-нибудь «Полуденномъ» украденную вещь на четвертыя; а можетъ-быть, онъ былъ просто забулдыга-лакей, два дни проподавшій отъ барина и чувствующій необходимость предъ возвращеніемъ къ нему хватить для куражу и неимѣющій на что хватить, — кто бы онъ ни былъ, мы просто будемъ называть его таинственнымъ незнакомцемъ.

И такъ по мѣрѣ того, какъ таинственный незнакомецъ обзрѣвалъ кухню и укрѣплялся въ увѣренности, что въ ней никого нѣтъ, лицо его теряло неопредѣленный оттѣнокъ, движенія становились рѣзче и самоувѣреннѣе... Онъ смѣло подошелъ къ двери, ведущей въ спальню, и приложивъ ухо къ скважинѣ, долго и чутко прислушивался; за тѣмъ онъ снялъ съ себя рыжіе, подбитые вершковыми гвоздями сапоги, и поотворилъ нѣсколько дверь, при чемъ она предательски скрипнула, что заставило его отшатнуться назадъ и простоять съ минуту въ неподвижномъ оцѣпенѣніи. Но удостоверившись, что все спало по-прежнему, онъ смѣло нагнулся впередъ и, просунувъ голову въ отверстіе между дверными сторонами, началъ обзрѣвать спальню. Нужно полагать, что ему представилось здѣсь много привлекающихъ любопытство предметовъ, потому-что уже не колеблясь долѣе онъ рѣшительно двинулъ впередъ правую сторонку дверей, переждалъ пока скрипъ, произведенный этимъ движеніемъ, совершенно замолкъ — и смѣло вошелъ въ спальню. Здѣсь онъ сѣлъ въ покойныя и мягкія кресла, потянулся, и началъ передѣваться... передѣваться изъ своего, какъ легко до-

гадаться, не совсѣмъ покойнаго и красиваго платья, въ платьѣ Петра Ивановича. Нельзя не замѣтить, что передѣвался онъ съ достоинствомъ и спокойствіемъ человѣка, одѣвающагося въ собственное платье и только нѣсколько поспѣшающаго, изъ опасенія опоздать на службу. Петръ Ивановичъ обладалъ значительной полнотою, какой въ извѣстныя лѣта достигаетъ всякій благомыслящій человѣкъ: таинственный-же незнакомецъ былъ очень тощъ, — почему, поправивъ чубъ передъ зеркаломъ, онъ захватилъ кстати со стола два подсвѣчника изъ накладнаго серебра, которые для лучшаго сбереженія счелъ нужнымъ завернуть въ платье Федосьи Карповны, — послѣ чего такъ ихъ спряталъ, что тотчасъ же сталъ походить на Петра Ивановича, ибо очутился съ презряднымъ солиднымъ брюшкомъ. На возвратномъ пути онъ кровати, съ поручня которой сдернуто было платье, незнакомецъ захватилъ карманные часы (Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ акуратный и опасаясь опоздать на службу клалъ обыкновенно подлѣ себя часы) съ позолоченной цѣпочкой, надѣлъ ихъ на себя и поспѣшилъ къ другому зеркалу, гдѣ, полюбовавшись на себя, опять мимоходомъ захватилъ два подсвѣчника. За-

прятавъ ихъ въ карманы, онъ началъ шарить по всеѣмъ угламъ и прибирать съ немовѣрною быстротою все мелкія вещицы, какія попадались подъ руку...

III.

Сонъ причудливъ и странно жестокъ. Часто послѣ великолѣпной перспективы всего, чѣмъ современемъ должна увѣнчаться благопамѣренность, человѣку, какъ-бы онъ ни былъ добродѣтелемъ, вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, что-нибудь такое приснится, чего онъ никакъ не можетъ пропустить, не закричавъ тотчасъ-же, что онъ въ шрафахъ и подъ судомъ не бывалъ и никакихъ мыслей, противныхъ правиламъ нравственности, въ душѣ своей не питалъ...

Петру Ивановичу вдругъ приснилась какая-то дѣвушка въ шапкѣ, подъ которой (не подъ шапкой, и подъ дѣвушкой) были подписаны два стиха:

А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ

Какая шапка не пристанетъ?..

которые онъ когда-то слышалъ, проходя мимо раствореннаго окна, — откуда валилъ густыми волнами табачный дымъ, летѣли на улицу слова и виднѣлись веселыя и раскраснѣвшіяся лица какихъ-то молодыхъ людей, — и которые у него потомъ цѣлые три мѣсяца не могли выбиться изъ головы: писалъ ли онъ, рассказывалъ ли какую вѣрную игру проигралъ въ преферансъ, или какую не вѣрную выигралъ, шелъ ли въ департа-

ментъ, изъ департамента, обѣдалъ ли — все они на умѣ — такъ вотъ и шумятъ, и вертятся и егозятъ-егозятъ въ головѣ, какъ будто кромѣ ихъ уже и не чему притти въ голову. И чѣмъ больше старался онъ отъ нихъ отдѣлаться, тѣмъ упорнѣе они его преслѣдовали. Съ ними засыпалъ онъ, съ ними просыпался, перѣдко отвѣчалъ ими на вопросъ совѣмъ не объ шапкахъ и дѣвушкахъ, безпрестанно шептали ихъ про себя, даже писалъ верхними зубами на нижнихъ, даже однажды испортилъ листъ гербовой бумаги, рублеваго достоинства, включивъ ихъ совершенно некстати въ прошеніе одной вдовы, приносившей жалобу на какогото нахлѣбника-семинариста, похитившаго у ней клубокъ нитокъ, которыя будто-бы намотаны были на сторублевую ассигнацію. Словомъ, отъ проклятыхъ двухъ стиховъ (бывшихъ между прочимъ причиною ненависти его къ стихамъ вообще) ему уже приходилось тошно жить за свѣтъ. Но наконецъ онъ отъ нихъ отдѣлался-же, и теперь ничего!—дѣвушка въ шапкѣ, да притомъ и не дурная собой, — весьма и весьма ничего! Худо то, что въ слѣдъ за нею приснился ему какой-то человѣкъ съ огромными усищами, съ рѣшительнымъ вы-

раженъемъ въ лицѣ, и въ такомъ непостижимомъ костюмѣ, какого онъ не только никогда не видалъ на яву, но даже потомъ

весьма удивлялся, какъ подобные костюмы могутъ сниться порядочнымъ людямъ во снѣ.

Испуганный, онъ поспѣшилъ залепетать, что онъ ничего, человекъ женатый и въ правилахъ твердъ, что впрочемъ онъ никакимъ оружіемъ владѣть не умѣетъ, потому-что французскаго блестящаго образованія съ фехтованьями, тапцами и всякими модными пустыми затѣями, развращающими, ко всеобщему прискорбію, нынѣшнихъ молодыхъ людей, не получилъ, и даже не жалѣлъ о томъ, ибо, благодаря Бога, родился въ такой странѣ, гдѣ и безъ шарканья по паркетамъ, одною благонамѣренностію и честнымъ трудомъ, даже при посредственномъ достаткѣ, можно пріобрѣсть всеобщее уваженіе; а что, впрочемъ, онъ опять таки ничего, идетъ своей дорогой, и просить только не мѣшать ему идти своей дорогой, такъ онъ и пройдетъ....

Но вышло, что и страшный незнакомецъ — не бѣда; напротивъ, не смотря на невѣроятные сапоги, онъ оказался добрейшимъ малымъ, предложилъ сыграть въ преферансъ и проигралъ въ одну пулю по копѣйкѣ восемь рублей серебромъ, — такъ что Петру Ивановичу даже стало немножко совѣстно, и только тѣмъ могъ онъ себя успокоить, что вѣдь на то игра, неумѣешь

играть не садись, а взялся за гужъ, такъ будь дюжь...

Бѣда въ томъ, что по уходѣ страннаго незнакомца, о которомъ Петръ Иванычъ остался такого мнѣнія, что навѣщалъ его какой нибудь путешествующій Англичанинъ-чудакъ, которому некуда дѣвать денегъ, — (объ Англичанахъ зналъ онъ вообще, что они большіе чудаки), — бѣда въ томъ, что по уходѣ страннаго незнакомца, Петру Иванычу вдругъ приснился весь департаментъ съ шинелями, сторажами, половиками, столами, чернилицами, дѣлами и начальникомъ отдѣленія. Вотъ начальникъ отдѣленія приподнялся съ какимъ-то дѣломъ, подходитъ къ нему и говоритъ «перепишите» совершенно такимъ голосомъ, какъ говорится простому писцу. — Хорошо-съ; я вотъ дамъ Ефимову, — отвѣчаетъ немного-изумившійся Петръ Иванычъ, почтительно нагибаясь. — «Какому Ефимову?» говоритъ сурово начальникъ: — «развѣ вы забыли, что Ефимову отдано ваше мѣсто, а вы за неисполнительность и соблазнительный образъ поведенія переведены на мѣсто Ефимова....»

Въ ужасѣ проснулся Петръ Иванычъ, открывъ глаза и прямо наткнулся ими на таинственнаго незнакомца, который, нагнув-

шнѣ, шарилъ въ ящикѣ коммода. Принявъ его за Ефимова, Петръ Ивановичъ, озадаченный, переполненный справедливымъ негодованіемъ, — въ первую минуту не вскрикнулъ, не кашлянулъ, даже не шелохнулся, но, по какой-то особенной остротѣ чутья, таинственный незнакомецъ тотчасъ понялъ, что время прекратить посѣщеніе, и совсѣхъ ногъ кинулся вонъ... Тутъ только догадался герой нашъ въ чемъ дѣло....

Пяткой въ ногу супругу толкнулъ,
Закричалъ: «караулъ! караулъ!»

И вскочивши съ постели, въ чемъ былъ,
За мошенникомъ вслѣдъ поспѣшилъ.

Пробѣжалъ черезъ сѣни — и вотъ
Незнакомца настигъ у воротъ.

Но тотъ ловко въ калитку шмыгнулъ, —
И опять: «караулъ! караулъ!»

Петръ Иванычъ свирѣпо кричитъ

И, въ калитку ударившись лбомъ,
За злодѣемъ въ прискочку бѣжитъ,

Потирая ушибъ кулакомъ.

И бѣжитъ онъ быстрѣ коня

И босыхъ его ногъ топотня

Отзывается рѣзко кругомъ,

Словно брошенный вскользь по рѣкѣ

Камешокъ....

IV.

Петербургскія лѣтнія ночи свѣтлѣе петербургскихъ зимнихъ дней. Было еще очень рано, но уже совершенно свѣтло; на улицѣ пусто. Только по другую сторону тротуара шелъ какой-то парень въ шинели, надѣтой въ рукава, изъ подъ которой на цѣлую четверть высовывался пестрединный халатъ; парень раскачивался во всю ширину тротуара и увидѣвъ бѣгущихъ, радостно закричалъ: «держи! держи!», — послѣ чего остановился и долго смотрѣлъ на нихъ, произнося по временамъ ободрительныя восклицанія: «ишь какъ улепетываетъ!» «молодца! молодца!» — вотъ люблю!» — очевидно относившіяся къ таинственному незнакомцу, который, говоря охотничьимъ терминомъ, ежеминутно отсѣдалъ отъ преслѣдователя своего дальше и дальше. Между тѣмъ крикъ Петра Ивановича былъ услышанъ еще двумя лицами, которыхъ мы не хотимъ назвать. Первое, уже давно и таинственнымъ знакомцемъ и Петромъ Ивановичемъ оставленное позади, отошло нѣсколько впередъ и наблюдая за бѣгущими говорило: «ишь шельма! ишь шельма! ишь шельма!». Второе флегматически вышло на

средины улицы, постояло съ минутою въ нерѣшительности, задумчиво понюхало табаку и съ рѣшимостью принялось переходить другую половину улицы, торопясь поспѣть на тротуаръ такъ, чтобъ угодить прямо на переемъ таинственному незнакомцу. Второе лицо дѣйствительно поспѣло въ пору, но бѣгущій рѣшительно не обратилъ на него вниманія и только, пробѣгая мимо съ крикомъ: «эхъ-ма!», сильно толкнулъ его въ плечо, отчего оно тотчасъ повалилось на тротуаръ, къ немалому смѣху веселаго парня и перваго лица, издали наблюдавшаго сцену. Черезъ минутою приспѣлъ и Петръ Ивановичъ, запнулся за поверженнаго и тоже упалъ, но тотчасъ же вскочилъ, съ горяча не почувствовавъ ушиба, и побѣжалъ снова. Дважды пораженный приподнялся, взглянулъ за бѣгущими, и сказавъ «есть сила», медленно отправился на старое мѣсто.... Между тѣмъ таинственный незнакомецъ уже достигъ конца улицы и повернулъ.... куда? въ которую сторону?... Петръ Ивановичъ не видалъ, и потому, хотя и продолжалъ бѣжать, но уже медленно и нерѣшительно, какъ человѣкъ потерявшій путеводную звѣзду свою. Вдругъ съ конца улицы, до котораго недостигъ еще Петръ

Иванычъ, показались дрожки, называемыя пролетками, то есть такія дрожки, на которыя садятся, когда желаютъ сбереечь ребра и спину. Въ дрожкахъ сидѣлъ одѣтый въ пальто господинъ, съ веселымъ лицомъ, доказывавшимъ, что преферансъ, съ котораго очевидно онъ возвращался, былъ для него счастливъ: лицо просто сияло. Завидѣвъ бѣжавшую встрѣчу ему странную фигуру, господинъ въ пальто разсмѣялся, а потомъ началъ пристально взглядываться въ нее, и вдругъ на лицѣ его выразилось глубокое изумленіе. Онъ какъ будто не вѣрилъ глазамъ своимъ.

— «Здравствуйте, Петръ Иванычъ!» сказалъ онъ нѣсколько проницески, когда дрожки подѣхали на довольно близкое разстояніе къ нашему герою.

Петръ Иванычъ поднялъ голову, взглянулъ, и, поблѣднѣвъ какъ полотно, отвернулся въ сторону и побѣжалъ шибче.

Но сидѣвшій въ дрожкахъ снова повторилъ: «Здравствуйте, Петръ Иванычъ!» и въ голосѣ уже не было прежней благосклонной мягкой прони; онъ звучалъ рѣзко, въ немъ слышалось приказаніе, — такъ что Петръ Иванычъ увидѣлъ себя въ необходимости остановиться и поспѣшно

понесъ руку къ головѣ, по убѣдившись въ невозможности снять съ нея что-нибудь, ибо на ней не было даже пари-

ка, — принужденъ былъ ограничиться поклономъ. Поклонъ былъ такой, какіе сви-

дѣтельствуется только пачальникамъ, изъ чего и можно съ достовѣрностію заключить, что господишъ въ пальто былъ его пачальникъ.

— Что это вы.... въ такую пору.... въ такомъ видѣ.... танцуете?...

— Танцую — могъ только проговорить дрожащимъ голосомъ дрожащій Петръ Ивановичъ, непривыкшій съ дѣтскихъ лѣтъ противорѣчить старшимъ....

Опомнившись, онъ ничего не слыхалъ уже, кромѣ стука удалявшихся дрожекъ, и веселаго заливнаго хохотанья, отъ котораго морозъ пробѣжалъ у него по жиламъ....

V.

«Клянусь звѣздою полуночной
«И генеральскою звѣздой,
«Клянуся пряжкой безпорочной
«И не безгрѣшною душой!
«Клянусь изряднымъ капитальцемъ,
«Который въ службѣ я скопиль,
«И рукъ усталыхъ каждымъ пальцемъ,

«Клянуся бочкою чернилъ!
«Клянуся счастьемъ скоротечнымъ,
«Несчастьемъ въ деньгахъ и въ чинахъ,
«Клянусь ремизомъ безконечнымъ,
«Клянуся десятью въ червахъ, —
«Отрекся я соблазновъ свѣта,
«Отрекся я отъ дѣвъ и жонъ,
«И въ цѣломъ мірѣ нѣтъ предмета
«Которымъ былъ-бы я плѣненъ!....
«Давно душа моя спокойна
«Отъ страстныхъ бурь, отъ бурныхъ сновъ;
«Лишь ты любви моей достойна —
«И вѣкъ любить тебѣ готовъ!...
«Клянусь, любовію порочной
«Давно, давно я не пылалъ,
«И на свиданье въ часъ полночной
«Въ дезабилье не выбѣгалъ...
«Кого еще съ тобой мнѣ надо?...
«Тобой одной доволенъ я —
«Моя любовь! моя отрада!
«Федосья Карповна моя!...»

Опъ умолкъ и «какъ юный дубъ, низрину-
тый грозой» палъ къ ногамъ супруги
своей.

Но она была неумолима.

— Не повѣрю! Ужъ что ты мнѣ ни толкуй,

не повѣрю! Измѣнникъ! человѣконенавистникъ! чудовище!

И она зарыдала, а потомъ впала въ совершенное отчаянiя, и била себя въ грудь, повторяя :

— Ахъ, я несчастная! несчастная! несчастная!... Да какого сраму дождала я, несчастная!...

— Я ей Богу-съ ни въ чемъ не виновать, Федосья Карповна!

Онъ дѣйствительно былъ ни въ чемъ не виновать, что могутъ подтвердить и читатели. Намѣренiя его были чисты, даже похвальны: онъ хотѣлъ настичь похитителя и отнять у него свои вещи. Федосья Карповна перетолковала все совершенно иначе. Проснувшись отъ толчка въ ногу и не найдъ подлѣ себя супруга, она прежде всего вскричала: «измѣнникъ!» Черезъ минуту, удостоверившись, что и платья на обычномъ мѣстѣ не было — обстоятельство, не оставившее ни малѣйшаго сомнѣнiя, что измѣнникъ ушелъ на свиданье, — съ громкимъ воплемъ упала она на подушку и воскликнула:

«ахъ, я сирота горемычная!» Потомъ вскочила и бросилась туда, гдѣ вечеромъ оставила платье, но его, какъ мы знаемъ, тамъ не было; не долго думая куда бы оно могло дѣваться, — ибо женщина въ припадкѣ ревности, по увѣренію опытныхъ людей, лишается всякой способности разсуждать, — она съ минутой металась по комнатѣ, но не найдя ничего во-что бы можно одѣться, кромѣ оставленной таинственнымъ незнакомцемъ шинели, накинула ее на себя и бросилась вонъ. Руководимая все тѣмъ же инстинктомъ ревности, она пустилась по тому направленію, по которому таинственный незнакомецъ увлекъ за собою Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ въ то время возвращался уже домой, перепуганный, убитый, весь съ головы до ногъ синій, отъ холода и разныхъ ушибовъ. Встрѣча ихъ была страшная; было не много сказано, но успѣла разыгратъ трагедія.

Они молчали оба... Грустно, грустно
Она смотрѣла. Взоръ ея глубокой
Былъ полонъ думы. Онъ моргалъ бровями
И что-то говорить хотѣлъ, казалось,
Она же покачала головой
И палецъ наложила въ знакъ молчанья

Федосья Карповна упорно стояла на томъ, что ея платье и прочія вещи стащилъ Петръ Иванычъ къ мерзавкѣ своей любовницѣ, а самъ очутился на улицѣ безъ платья потому, что его раздѣли мазурки, когда онъ возвращался отъ мерзавки, своей любовницы, и что наконецъ лохмотья таинственнаго незнакомца самъ же онъ, Петръ Иванычъ, подкинулъ, купивъ на рынокѣ, чтобъ отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, въ случаѣ какой нибудь неудачи. Какъ ни нелѣпо было такое предположеніе и какъ ни клялся Петръ Иванычъ (а онъ клялся всѣмъ дорогимъ для него въ жизни) — ничто не помогло. Не помогло даже и послѣднее очень сильное доказательство, что парикъ оставался дома, а невѣроятно и ни съ чѣмъ несообразно, чтобъ нуждающійся въ парикѣ человѣкъ позабылъ надѣть его, идучи на свиданье съ любовницей. Ничто не помогло! Таково уже было расположеніе мыслей Федосьи Карповны. Ревность рвала ея душу на части. Къ тому же и кухарка, обрадовавшись случаю, рѣшительно утверждала, что ни на минуту не выходила и никто къ нимъ не входилъ, и что хоть и слышались ей въ просонкахъ изъ спальни какіе-то шаги, но разсудивъ, что оттуда

не кому выходить, кромѣ барина или барыни, она не сочла нужнымъ встать и по-смотрѣть... Хотя герой нашъ звался совсѣмъ не Макаромъ, но мы не можемъ здѣсь не замѣтить, что на бѣднаго Макара и шишки валяются!

VI.

Вотъ уже и девять часовъ, время, въ которое бывало Петръ Ивановичъ, спокойный и счастливый, хлѣбнувъ два, три стакана чайку, поцѣловавъ жену, поцѣловавъ дочь, съ портфелемъ подъ мышкой, отправлялся, нѣсколько согнувшись, смиреннымъ, никого неоскорбляющимъ, но и не вовсе чуждымъ самостоятельности шагкомъ въ свой департаментъ.... Но не одѣвается, не пьетъ даже чайку, не цѣлуетъ жены и дочери и не идетъ въ департаментъ растерявшійся Петръ Ивановичъ. Мрачно у него на душѣ; при одной мысли, что надо идти на службу, морозъ пробѣгаетъ у него по кожѣ, отъ макушки до пятокъ. Вся жизнь отъ сѣченья и греческихъ сопряженій въ дѣтствѣ. голоданья и переписыванья въ юности, до послѣдняго недавняго распеканья — прохо-

дигъ передъ его глазами, — и ничего, кромѣ смиренномудрія, и вѣчной безпредѣльной покорности — не видитъ онъ въ ней; хоть-бы слово когда грубое какое сказалъ, хоть-бы недовольную мину выразилъ на лицѣ— никогда! никогда! Даже покушенія на что-нибудь подобное за собой не запомнить! Чистъ, чистъ! со всѣхъ сторонъ, какъ ни поверни, чистъ! И между-тѣмъ, сердце болѣзненно съѣживается отъ страха, какъ-будто преступленіе какое-нибудь совершилъ человѣкъ, какъ-будто начальнику нагрубилъ! «Что скажетъ начальникъ отдѣленія!» думаетъ Петръ Иванычъ (несомнѣнно, что господинъ, ѣхавшій на дрожкахъ, былъ его начальникъ отдѣленія). «Что скажетъ начальникъ отдѣленія?...» думаетъ онъ, большими шагами расхаживая по комнатѣ, и никакъ не можетъ рѣшить, что скажетъ начальникъ отдѣленія, хоть и предчувствуетъ, что онъ скажетъ что-то страшное, что-то такое страшное, отчего мало посѣдѣть въ одинъ часъ, отчего мало даже провалиться сквозь землю.... И ни убѣжденіе въ своей невинности, никакія размышленія, никакіе доводы ума, ничто не утѣшаетъ безутѣшнаго Петра Иваныча! «Да, ужъ не подать ли мнѣ просто въ отставку», думаетъ онъ: «такъ

даже и не являться, а просто подать въ оставку, и кончено, а покуда выйдетъ отставка, тиснуть въ «Полицейской Газетѣ», что вотъ такъ и такъ дескать, чиновникъ съ одобрительнымъ аттестатомъ».... Тутъ онъ на минуту запнулся.... «Вѣдь ужь мнѣ, вѣрно, дадутъ аттестатъ одобрительный»? продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: «что-жь? служилъ я не хуже другихъ, не хуже другихъ, сударь ты мой, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, зложелателей, благодаря Всевышняго, не имѣю.... подалъ въ отставку.... ну, что-жь? Вышелъ случай такой, съ кѣмъ не случается?... просто случай вышелъ такой.... Такъ вотъ оно хорошо было бы публиковать, что вотъ-де чиновникъ съ одобрительными аттестатами, титулярный совѣтникъ, — я думаю даже не худо будетъ выставить: имѣющій такіе-то и такіе-то знаки отличія... Такъ вотъ молъ, такой-то и такой-то чиновникъ, имѣющій такіе-то и такіе-то знаки отличія, хорошій чиновникъ, дескать, благонадежный чиновникъ, ищетъ мѣста управляющаго имѣніемъ, преимущественно въ малороссійскихъ губерніяхъ, на выгодныхъ, дескать, для владѣльца условіяхъ.... Да! да! Въ малороссійскихъ губер-

ініяхъ лучше — климатъ теплѣе, да и народъ-то попроще.... народъ-то попроще, вотъ оно что, главное дѣло, сударь ты мой, народъ-то попроще, вотъ она штука-то какая! А поди-ка сунься въ Костромскую, въ Ярославскую... ухъ! шельма на шельмѣ! Всякій мужикъ туда-же грамотѣ знаетъ и на каждомъ синій армякъ... на каждомъ на шельмецѣ-то синій армякъ, вотъ оно что, вотъ она штука-то какая, вотъ она какая штука-то! Избалованныя губернія! Нѣтъ, вотъ бы гдѣ нибудь въ малороссійскихъ, примѣрно въ Полтавской; три, четыре тысячки душъ, съ мельницами, съ фруктовыми садами, со всѣми угодыями, съ господскимъ строеніемъ; а баринъ-то себѣ гдѣ-нибудь за тридевять земель, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ.... а баринъ-то себѣ въ Москвѣ, а баринъ-то въ Петербургѣ, а баринъ-то себѣ въ Парижѣ, баринъ-то себѣ за тридевять земель, какъ въ сказкѣ говорится, какъ въ русской-то сказкѣ сказывается.... Ухъ! раздолье-то! раздолье...» Тутъ Петръ Иванычъ потеръ руки отъ удовольствія, потому что уже, въ-самомъ-дѣлѣ, почувствовалъ себя управляющимъ такого имѣнія, — на что русскій человекъ очень скоръ... «Да, только та бѣда», продолжалъ онъ, вдругъ опомнив-

шись, и вновь совершенно опѣшевъ, какъ человекъ, съѣвшій муку: «Да, только та бѣда, что никто не возьметъ, за фамилію никто не возьметъ... Управляющій! ужь въ одномъ словѣ сейчасъ слышится Нѣмецъ, какой-нибудь Карлъ Ивапычъ Бризенмейстеръ, или еще помудренѣй, такъ, чтобъ мужикъ и подумать не смѣлъ выговорить, какъ слѣдуетъ, чтобы у него языкъ поперекъ глотки сталъ. Вѣдь вотъ, будь нѣмецкая фамилія, хоть подобіе нѣмецкой фамиліи будь... а то — Блиновъ! на вотъ тебѣ въ самый ротъ — блиновъ! горячихъ блиновъ! подавись!...» И здѣсь герой нашъ въ первый разъ въ жизни пожалѣлъ, что у него русская фамилія, чему онъ сорокъ лѣтъ слишкомъ постоянно былъ радъ, и даже благодарилъ Бога, что и оканчивается она на *овъ*, а не на *скій*. «Да, опять и то», продолжалъ размышлять нашъ герой: «осанки такой не имѣю, осанки, соответствующей званію управителя не имѣю, вотъ она какая бѣда, вотъ она бѣда-то какая надо мной горемычнымъ, осанки, соответствующей званію, не имѣю, — не имѣю осанки званію управителя соответствующей, совсѣмъ осанки такой не имѣю. Нашъ братъ и смотритъ-то, какъ-будто все чего-то боится, и

идеть-то, какъ-будто просить прощенія у половиковъ, которые недостойными ногами своими попираеть, и въ лицѣ такое подобострастїе, такое подобострастїе, что и сказать нельзя, никакъ нельзя сказать, неостанетъ словъ, какъ говорится въ хорошемъ слогѣ, на языкѣ человѣческомъ... вотъ оно что! вотъ оно какое дѣльце-то! вотъ оно дѣльце-то казусное какое! Ну ужъ извѣстно: по какой части пойдешь, съ тою и степень значенія въ лицѣ своемъ соразмѣряешь... степень-то значенія съ положенїемъ своимъ въ свѣтѣ соразмѣряешь... А тутъ надобно, чтобы орломъ глядѣлъ человѣкъ, чтобы на лицѣ было написано, что ему и чортъ не братъ, чтобы дѣйствовалъ смѣло, рѣшительно, на открытую ногу дѣйствовалъ бы, и умѣлъ бы такъ съ откровенностїю, не лишенною благородства, и словцо-то крѣпкое кстати пригнуть, ну и тамъ что другое... Вотъ оно что! Чтобы какъ выйдетъ да заговоритъ ломаннымъ своимъ языкомъ, такъ чтобы мужикъ на него и взглянуть не смѣлъ, а только бы кланялся въ поясъ, да говорилъ: «Слушаю батюшка, Карлъ Иванычъ!».. Нѣтъ, гдѣ нашему брату!.. Развѣ ужъ заняться хожденїемъ по дѣламъ...» Но и хожденїе по дѣламъ оказалось неудобнымъ. Думалъ, ду-

маль Петръ Ивановичъ, и покопчилъ тѣмъ, что какъ ни вертись, службу оставить невыгодно, разорительно, словомъ, неблагоприятно во всѣхъ отношеніяхъ. И такъ, скрѣпя сердце, рѣшился онъ идти въ департаментъ. Будь что будетъ! Можетъ и никакой бѣды нѣтъ, можетъ ему только такъ показалось, а въ сущности ничего! Наконецъ онъ даже дошелъ до заключенія, что можетъ быть оно даже и хорошо, что начальникъ его увидѣлъ на улицѣ, пожалуй чѣмъ чортъ не шутить примутъ участіе, вспомошествованіе одновременное дадутъ. «Да! да!» повторялъ Петръ Ивановичъ: «оно въ-самомъ-дѣлѣ даже и хорошо», и между тѣмъ чувствовалъ, что морозъ подираетъ по кожѣ. Три дня употреблено было на заживанье разныхъ ушибовъ и синихъ пятенъ, и на утверженіе себя въ благородной рѣшимости не унывать, помнить, что испытанія испосылаются намъ въ плачевной юдоли сей для возвышенія душевнаго мужества, и что не нужна бы человѣку и безсмертная душа, если бѣ онъ уничтожился и падалъ передъ несчастіемъ. На четвертый день рѣшено было идти на службу. Но здѣсь на Петра Ивановича напалъ такой страхъ, что онъ буквально не могъ

сдвинуться съ мѣста и нѣсколько часовъ совѣмъ готовый, умытый, выбритый, во фракѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, сидѣлъ какъ прикованный къ стулу, безмысленно смотря на три какія-то головы, державшія компанію у противоположныхъ воротъ.

Когда опомнился онъ, былъ уже двѣнадцатый часъ. «Поздно!» сказалъ онъ себѣ съ тайной радостью. «Видно уже завтра!» и въ ту-же минуту схватилъ шапку, надѣлъ шинель и калоши, и выбѣжалъ на улицу. Бѣжалъ онъ чрезвычайно скоро, ни на что не обращая вниманія, даже не заглядывая въ окна, хотя и любилъ загляды-

вать въ окна , и зчалъ , что , заглянувъ въ
окно , иногда можно увидѣть много хоро-
шаго.

Бѣжалъ онъ на службу...

Въ десятомъ часу того дня, утромъ котораго происходило событіе, описанное въ четвертой главѣ, Степанъ Ѳеодорычъ Фарфоновъ, пришедъ въ должность, направился прямо къ столу, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Петръ Ивановичъ, чтобъ распросить его о ночномъ приключеніи и, по долгу службы, порядкомъ распечь его. Но Петра Ивановича, какъ мы знаемъ, тамъ не было. Такъ-какъ воспоминаніе вчерашняго выигрыша все еще держало его въ веселомъ расположеніи духа, то подошедъ къ экзекутору и спросивъ о здоровьи, весьма комически разсказалъ онъ ему странную встрѣчу съ Петромъ Ивановичемъ, особенно распротранившись на счетъ удивительнаго танца, въ которомъ упражнялся Петръ Ивановичъ, и на счетъ аріи, кажется, изъ «Соннамбулы», которою сопровождалъ онъ свои живописныя па, послѣ чего оба, и разсказчикъ и слушатель, долго смѣялись, пожимая плечами. Степанъ Ѳеодорычъ разсказывалъ не такъ тихо, чтобъ его никто не могъ слышать, кромѣ экзекутора, а потому исторія Петра Ивановича сдѣлалась тотчасъ извѣстною и еще двумъ тремъ чп-

повникамъ. Тѣ въ свою очередь передали ее съ надлежащими дополненіями сосѣдямъ своимъ и такимъ образомъ случилось, что исторію Петра Иваныча въ полчаса узнало все присутственное мѣсто, гдѣ служилъ нашъ герой... Къ вечеру узналъ ее и весь городъ, и нѣсколько дней сряду въ Петербургѣ только и говорили о танцующемъ чиновникѣ исполинскаго роста, съ лошадиными копытами, вмѣсто обыкновенныхъ человѣческихъ ступней. Не трудно представить съ какимъ нетерпѣніемъ ждали его товарищи, сколько произошло толковъ и предположеній и какъ выросла, украсилась и измѣнилась самая исторія. Но прошелъ день, прошло два, прошло три, вотъ уже наступилъ и четвертый, а Петра Иваныча нѣтъ какъ нѣтъ. Любопытство возросло до высочайшей степени.

И вотъ на четвертый день часу въ первомъ, въ минуту всеобщаго почтительнаго молчанія, водворившагося по случаю появленія самого начальника, который, указывая на дѣло, толковалъ что-то съ большимъ жаромъ Степану Федоровичу, внимавшему начальническимъ рѣчамъ съ почтительнымъ наклоненіемъ головы,— въ такую-то торжественную минуту дверь изъ прихожей вдругъ

отворилась, и появился герой нашъ. Какъ ни сильно было уваженіе подчиненныхъ къ начальнику, но естественное движеніе одолѣло и прорвалось на всю комнату глухимъ сдержаннымъ смѣхомъ, — какъ будто вдругъ чихнулъ табушъ лошадей. Естественно, что начальникъ съ недовольнымъ видомъ спросилъ о причинѣ такого неумѣстнаго взрыва. Степанъ Федорычъ поднялъ голову, потому-что и самъ еще не зналъ, что бы значила подобная дерзость, но встрѣтивъ жалкую фигуру Петра Ивапыча, подобно подчиненнымъ своимъ, не могъ удержаться отъ смѣха.

Начальникъ повторилъ свой вопросъ.

Перетрухнувшій Степанъ Федорычъ почувствовалъ необходимость оправдаться и оправдать своихъ подчиненныхъ. Для такой цѣли онъ не нашелъ ничего лучше, какъ рассказать въ подробности исторію Петра Ивановича и тотчасъ рассказалъ ее, поставившись не столько о строгомъ соблюденіи исторической достовѣрности, сколько о томъ, чтобъ отъ нея дѣйствительно нельзя было не захохотать, — въ чемъ и успѣлъ совершенно, ибо, по мѣрѣ изложенія событій, лицо слушателя прояснялось, а когда дошло до описанія страннаго танца, въ которомъ

упражнялся Петръ Ивановичъ, и сопровождавшихъ его мотивовъ изъ «Лучія», слушатель уже рѣшительно не нашолъ въ себѣ силъ сохранить строгое выраженіе почтенной своей наружности и самъ засмѣялся...

Но смѣхъ его, какъ легко догадаться, былъ непродолжителенъ. Принявъ строго-рѣшительное выраженіе, онъ подошелъ къ Петру Иванычу, оцѣпѣвшему у дверей, и сказалъ, медленно, важно, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

— А что скажете вы?

Но Петръ Иванычъ не могъ ничего сказать, хоть и замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать....

Тогда начальникъ, основательно думая, что къ пресѣченію подобныхъ золъ должно принимать мѣры при самомъ ихъ зародышѣ, счелъ пужнымъ распространиться и показать Петру Иванычу все неприличіе его поступка. Онъ сказалъ ему, что званіе и самыя лѣта не давали ему права на такое дѣло; что танцовать, конечно, можно, но въ приличномъ мѣстѣ, и притомъ имѣя на себѣ одежду, принятую въ образованныхъ обществахъ Европы, которая, по образованію, можетъ вообще почтеться первою изъ всѣхъ пяти частей свѣта. Онъ сказалъ

ему (и помѣръ того, какъ онъ говорилъ, въ голосѣ его возрастала энергія и наружность болѣе и болѣе одушевлялась), что подобныя пассажи простибельны только грубымъ и невѣжественнымъ дикарямъ, не знающимъ употребленія огня и одежды, да и тѣ (присовокупилъ онъ) прикрываютъ наготу свою древесными листьями. Наконецъ, онъ сказалъ ему, что подобный поступокъ срамить не только того, къмъ сдѣланъ, но даже бросаетъ не хорошую тѣнь

на все званіе, что званіе чиновника почтенно, и не должно быть профанировано, —

Что чиновники тоже, что воинство
Для отчизны въ гражданскомъ кругу,
Посягать на ихъ честь и достоинство
Позволительно развѣ врагу,
Что у нихъ все занятя важнѣйшія —
И торги, и финансы, и судъ
И что служатъ все люди умнѣйшіе
И себя благородно ведутъ.
Что безъ нихъ бы невинные плакали,
Наслаждался бѣ свободой злодѣй,
Что подъ часъ отъ единой караули
Участь сотни зависить людей,
Что чиновникъ плохой безъ амбиціи,
Что чиновникъ не шутъ, не паяцъ,
И неслѣдъ ему безъ аммуниціи
Выбѣгать на какой-нибудь плацъ.
А ужъ если есть точно желаніе
Не служить, а плясать качучу,
Есть на то и приличное званіе —
Я удерживать васъ не хочу!»

Такъ заключилась рѣчь, имѣвшая вообще на присутствующихъ вліяніе сильное, но дѣйствіе ея на Петра Иваныча было таково, что, можетъ-быть, ни въ какія времена, никакая рѣчь не производила такого дѣйствія. Пораженный ею, изъ всѣхъ способностей, отпущенныхъ ему Богомъ, сохранилъ онъ только одну способность шевелить или точнѣе мямлить губами, да и то

дѣлалось съ величайшимъ усиленіемъ, и вообще въ ту минуту герой нашъ, страшно синій, походилъ на умирающаго, которому есть сказать нѣчто важное, но у котораго уже отнялся языкъ....

Только очутившись на улицѣ и глубоко втянувъ въ себя струю свѣжаго воздуха, почувствовалъ онъ, что еще живъ.

VII

«Корабль, обуреваемый
Волнами — жизнь моя!
Судьбою угнетаемый,
Въ отставку подалъ я,
Не мало тутъ утрачено —
Убытокъ — и большой!
А впрочемъ предназначено
Ужъ видно такъ судьбой.
И есть о чемъ печалиться,
Нашошь чего жалѣть!
Смерть ни надъ кѣмъ не сжалится —
Всѣмъ должно умереть!
Почетныя регалии,
Доходныя мѣста,
Награды — и такъ далѣе
Все прахъ и суета!
Мы всѣ корнимъ, стараемся,
Вдаемся въ плутовство,

Хлопочемъ, унижаемся,
А все вѣдь изъ чего?
Умремъ, такъ все останется! —
На срокъ пришли мы въ свѣтъ....
Чѣмъ дольше служба тянется,
Тѣмъ болѣе суетъ.
Успѣлъ ужь я умяться
Въ житейскомъ мятежѣ,
Подумать приближается
Пора и о душѣ!
Ужъ лучше здѣсь быть пѣшкою,
Чѣмъ душу погубить....
А, впрочемъ, что жь я мѣшкаю?
Ужъ десять хочетъ бить!
Есть случай къ покровительству!
Тотчасъ же полечу
Къ его превосходительству
Ивану Кузьмичу —
Поздравлю съ именинами....
Рѣшится, можетъ быть,
Подъ разными причинами
Блохова удалить
И мнѣ съ приличнымъ жительствомъ
Его мѣстечко дать....
Не нужно покровительствомъ
Въ нашъ вѣкъ пренебрегать!...»

ЖЕНЩИНА КАКИХЪ МНОГО.

Она росла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ дѣвокъ, мамокъ и старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ...
Ее поддерживали съ уваженьемъ —
Ей ножки цѣловали съ восхищеньемъ —
Въ избыткѣ чувствъ почтительно-нѣмыхъ.

И вотъ подросъ ребенокъ несравненный.
Ея родитель, человѣкъ степенный,
Въ деревнѣ прожилъ ровно двадцать лѣтъ. —
Сложилась барышня; потомъ созрѣла...
И стала на свободѣ жить безъ дѣла,
Невыразимо презирая свѣтъ.

Она слыла дѣвицей идеальной;
Имѣла взглядъ глубокой и печальной;
Сидѣла подъ окошкомъ по ночамъ, —
И на луну глядѣла неотвязно,
Болтала лихорадочно, несвязно...
Торжественно молчала по часамъ. —

Вѣдалася въ нѣмецкія книжонки,
Влюблялася въ прекрасныя душонки —
И тотчасъ отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала... все страдала!!!
И нѣла такъ фальшиво, что бѣда.

И вдругъ пошла за барина простаго,
За русака дебелаго, степнаго —

• • • • •
На мужа негодуя благородно,
Ему дѣтей рожала ежегодно
И двойней разрѣшилась наконецъ.

Печальная, чувствительная Текла
Своихъ людей не безъ отрады сѣкла;
Играла въ карточки до пѣтуховъ,
Гусями занималась да скотиной —
И было въ ней передъ ея кончиной
Безъ малаго — четырнадцать пудовъ.

—

ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

I.

ПИСЬМО Г. МАШИЛОВА КЪ ДАМЪ ПРИЯТНОЙ ВО
ВСѢХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Милостивая государыня!

Кто всегда въ мысляхъ изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ, къ тому не скоро напишешь, я забываю свои дѣла, такъ лишаю себя пріятнаго, но человѣкъ несчастливъ по собственной волѣ бываетъ... Тотъ третъ паркѣтъ и говоритъ: — живу! другой, запивая все горькое и сладкое въ жизни виномъ, тоже кричитъ, — живу! покой кому достался, или счастье въ удѣлъ, непременно скажетъ: живу! Сибаритъ, Филантропъ, Мизантропъ и даже самъ Паразитъ, всѣ живутъ, но разныя понятія о жизни имѣютъ!!!..... Но я тогда бы не существовалъ, а жилъ, когда бы могъ считаться полезнымъ; но желая быть добродѣтельнымъ не отсталъ отъ зла, каюсь! былъ рабомъ приличія, не пропустилъ ни одного собранія въ скромномъ нашемъ городкѣ дающихся; но вамъ очень хорошо извѣстно почему оно для меня необходимо было..... По-

чему я бросаю себя въ общество людей, есть еще и другія причины, — послѣ все узнаете. Есть люди, которыхъ блескъ неослѣпляетъ; шумъ столицы тише бунтующей крови, но меня и этотъ шумъ не оглушаетъ. Видимое глазами передается сердцу, но мое сердце и теперь перѣшаетъ ничего. Пускай видѣнное услышится и, передаваясь сердцу, оправдается разсудкомъ, тогда только приму я его. Вы, милостивая государыня, обязали меня желаніемъ встрѣтить свѣтлую душею праздникъ (давно прошедшій), потому, что онъ называется свѣтлымъ; конечно, но я желаю, чтобы всякое воспоминаніе о истиннѣ, да освѣщало бы ваши мысли и чувства какъ нѣкогда мои, увы! затмѣнные пасмурною опытностію. Но есть солнце опыта, озаряющее росу надеждъ, которую я назову мечтою; «да просвѣтитесь свѣтъ вашъ передъ челоуѣка и да видятъ ваши добрыя дѣла!» Вотъ такая мысль можетъ только примирить меня съ міромъ, съ самимъ собою и съ будущностію моею..... Но я оставляю перо, воображая ваше прекрасное будущее и здѣсь и въ небѣ, — да исполнится.....

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь, *и пр.*

II.

ВАШЕ ВЫСОКОБЛАГОРОДИЕ

Ангелъ мой!

Черезъ васъ несчастною на свѣтъ про-
изошла, пришлите мнѣ изъ любви пятьде-
сятъ рублей, смерть какъ нужно, а я васъ
оченна люблю.

Твоя по гробъ жизни

Танюша.

II.

ЛЮБЕЗНЫЙ МОЙ ПРЕДМЕТЪ

Любовь Савельевна!

Неужели вы такъ жестоки и несостра-
дательны къ человѣчеству, особенно къ по-
читателю и тѣлохранителю вашему? Вы
просили меня, чтобы васъ проводить до
пансіона, куда намѣрены были отправиться
сего числа, неозначивъ кому оный прина-
длежить, ни дороги по коей отправитесь,
показавъ только, что пойдете изъ своихъ
воротъ на правую сторону, и я какъ лю-
бящій васъ до безконечности, не могъ
почти дожидаться сего времени, потомъ уви-
дѣвши, что вы собрались, пустился на пра-
вую сторону и пробѣжавъ почти болѣе полъ

версты, я не могъ васъ нигдѣ видѣть, и не знаю, чтобы значило сіе, наконецъ по долгомъ волненіи отъ усталости и неудачи васъ увидѣть, возвратился я домой въ сильномъ жару и разслабленіи, и я не могу ни какъ постичь куда вы такъ скоро изъ глазъ моихъ могли скрыться, что весьма огорчаетъ, если точно любите несчастнаго, то помогите ему и утѣшите въ страданіяхъ, происходившихъ отъ величайшей страсти любви, ощущаемыхъ вѣрнѣйшимъ вашимъ почитателемъ.

III.

ВАШЕ ВЫСОКОБЛАГОРОДИЕ

Милостивѣйшій

Отецъ, кумъ и благодѣтель!

Съ тѣхъ поръ какъ солнце вокругъ земли обращается, не было на свѣтѣ челоуѣка добродѣтельнѣйшаго васъ. Повѣрьте, милостивый благодѣтель, не подлость, какая свойственна инымъ прочимъ подлѣйшимъ людемъ, и не ради лести, въ ожиданіи награды, но единственно по непритворной любви и высокопочитанію какъ отъ себя лично, такъ и отъ всего моего семейства съ дѣточками, вашими, высокопочтеннѣйшій кумъ, крест-

никами, приношу вамъ сіе мое послѣнное приношеніе, слабый успѣхъ труженика для пользы общественной. Позвольте, благотворительный и чадолюбивый отецъ, украсить сіе мое твореніе, цодъ названіемъ: «О легчайшемъ и безвреднѣйшемъ способѣ употребленія горячительныхъ напитокковъ», всепочитаемымъ именемъ Вашимъ, коего ни одна въ городѣ вдова и сирота, нищіе и убогіе, безслезно не произносятъ. О, премилостивый благодѣтель!... Да пребудутъ съ Вами и со всѣмъ высокопочтеннымъ и благо нравнымъ семействомъ Вашимъ щедроты Всемогущаго, да отъ крупницъ Вашихъ живутъ и благословляютъ имя Ваше страдающіе.

Вашего Высокоблагородія милостивѣйшаго отца, кума и благодѣтеля,
съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и догробной преданностью, есмь и буду нижайшій слуга П. Филькинъ.

На конвертѣ:

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

Аникъ Силічу Севрюгину.

Господину Почетному Гражданину, Коммерціи
Совѣтнику и Кавалеру.

IV.

НЕПОБѢДИМАЯ ВЪ КРАСОТѢ ПРЕДМЕТЬ МОЕЙ ЛЮ-
БЕЗНѢЮЩАЯ ФІЯЛКА.

Марья Васильевна!

Вы есть ужасающая критика моей къ вамъ чувствительности и насмѣшка моего сердца. Я думаю и помышляю всеми средствами, что любовь моя не принесетъ вамъ никакого безчестія и никакой морали, а потому въ малой лишь изобильности дерзаю прибѣгнуть въ великолѣпнымъ стопамъ вашимъ, и издыхающій отъ страсти голосъ мой честь имѣетъ вамъ донести о томъ моемъ горѣ и печали, которое вѣроятно и безошибочно происходитъ отъ моей къ вамъ страстности. И вотъ уже седьмое на десять число появилось со дня нашей разлуки и скрытности, а вы все еще обо мнѣ негижируете. Я часто нерѣдко и по неволѣ иногда хожу съ меланхоліей и звѣрскимъ видомъ, но обязанность службы того отъ насъ требуетъ. Завтрашняго числа въ шесть часовъ вечера я буду углубляться позади казармовъ самымъ умѣреннымъ шагомъ и если у меня будетъ въ рукахъ бѣленькой платочекъ, такъ это буду я, а если у меня не будетъ въ рукахъ беленькаго платочка, то это буду не я, а мой непріятель, кото-

раго предлагаю я вамъ бояться какъ змія, ибо онъ можетъ вамъ нанести безкуражность и причину непріятную. И такъ прощайте, остаюсь вашъ почтениѣйшій и пр.

V.

ПИСЬМО ДВОРОВАГО ЧЕЛОВѢКА КЪ СВОЕЙ ВОЗ-
ЛЮБЛЕННОЙ.

Вселюбезная и милая моя утѣха

Для сердца моего

Анна Кузминишна!

За обязанность я почитаю нынѣ, чтобы не уведомить васъ о моемъ нынѣ съ начала нашей разлуки положеніи; не буду описывать вамъ въ какихъ я мечтахъ проповождаль путь свой ибо вы ежели издержите свое слово въ точности то сами должны знать какіе мечтаніе могутъ владѣть Душою моею, но когда пріехалъ на место то много разъ во ображалъ тѣ слаткія и пріятныя минуты въ которыя мы некогда съ вами провожали. Ахъ и то полагаю я заистинное мое блаженство еще занеизлишние почту сообщить мое вамъ прискорбное безпокойство но Ахъ неимѣю Себѣ подобнаго развѣять таковаго вы однѣ Владентѣ моею жизнью отъ васъ однѣхъ зависить все блаженство мое я безъ сомнѣнія вѣрю сла-

вамъ вашимъ тѣмъ; въ такомъ откровенномъ и горячемъ сердцемъ моимъ и надѣюсь получить отъ васъ заимную мою къ вамъ любовь такъ же и въ томъ сомнѣнія не имѣю что вы небудите Довольны письмомъ моимъ и неполучитѣ облекченіе на сердцѣ вашѣ которое прикаждомъ подвиге пера я всякое слово целую Ахъ милая Аннушка неприведитѣ меня въ забвеніи и хранитѣ Сіе Милое письмо присердце вашемъ такъ же докажетѣ вы въ томъ что вы меня любитѣ и удостойтѣ меня вашимъ увѣдомленіемъ Ахъ Милая Анюта я страдаю безъ васъ въ спомни мои Другъ Абамяѣ въ одоленной старавѣ итогда въ новъ щестливъ буду еще остается вамъ сказать Смяхчитѣ ваше Сердце Мнѣ Еще Думається что вы будетѣ приведѣны въ изумленіе моимъ письмомъ то сее и думать за порокъ почитантѣ ибо одна любовная природа вилитъ всегда думать обвасъ изъ пушать въ здохъ за вздохомъ но Ахъ Милая Аннушка въ точности въ здохъ неможетъ квамъ добѣжать написать Вамъ мое разлуки А Сіе можетъ увеселить допрнезда моего по ежели Сіе вамъ занятымъ небудетъ то я въ Согласіе Сердца пишу вамъ наоборотѣ стихи которые могутъ за ступитъ мое мѣсто въ

вашемъ сердце ибо боюсь того чтобы не
обольститъ кто васъ незанелъ бы въ ва-
шемъ сердце то место гдѣ я обитаю то я
выдумалъ сретѣство занять место хотя сти-
хами моими А вотъ онѣ следующіе.

Ахъ милая Анюта съ нетѣрпѣніемъ жду
отъ васъ отвѣта.

Лети къ моей любезной
Ты письмоце мое скажи ей рокъ мой
Слезной Скажи какъ страстень я
Скажи что лутшей доли
Нестану я желать
Какъ сладкой лишъ неволи
Ея законъ въ нимать
Скажи что обলেখчение я
Въ томъ единомъ зрю
Когда въ слезахъ мучение
Тебя сто разъ чту

Скажи что ожидаю отвѣта: надѣюсь уны-
ваю смерть щастіе мое а ты Аннушка причиноі
что теперь нещастень я съ жался надмоей
сутьбиноі жизнь въ рукахъ твоихъ моя.

Остаюсь истинно васъ любящій и жела-
ющій съ вами видитца

Грунъ твоі Ларіонъ Ларіоновичъ Щерба-
новъ

Адресъ моі вамъ извѣстенъ куды писать
Аньтикъ одно слова!!!...

VI.

ПИСЬМО УГНЕТЕННОЙ НЕВИННОСТИ.

Ваше Высокоблагородіе, Андрей Ивановичъ!—
Любя Васъ многія лѣта я не могу удержаться
отъ слезъ отъ Вашей измѣны вы всегда гово-
ривали мнѣ, что такъ любите, что даже
женитесь на мнѣ и я несчастная повѣрила
вамъ, и вы меня обманули, что же я вамъ
такое сдѣлала; меня любили всегда хоро-
шія господа и не обманывали и я привык-
ла къ хорошему обращенію, вамъ грѣхъ
будетъ Андрей Ивановичъ и вы отвѣтите за
это Создателю. Богъ съ Вами — придите
ко мнѣ я буду очень рада — принесите
мнѣ два цѣлковыхъ — прощайте цалую
васъ другъ мой....

Върушка.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

— Что не весель, Ваня?
Въ хороводъ не станешь?
Шапки не заломишь?
Пѣсни не затянешь?
Аль не снесъ, не добылъ
Барину оброку?

Подати казенной
Не представилъ къ сроку?
Аль наборъ рекрутской
Молодца кручинить—
Угодить боишься
Подъ красную шапку?
Аль душа-дѣвица,
Что прежде любила
Съ недругомъ спозналась?
Ванькѣ измѣнила? —
— Оброкъ и съ гостинцемъ
Барину представилъ;
Подати казенной
За мной ни алтына,
Не боюсь рекрутства —
Братъ пошелъ охотой,
И душа-дѣвица
Мнѣ не измѣняла —
Да ее-то, братцы,
Сроду не бывало!..

СЛАВЯНОФИЛЬ.

Одинъ славянофиль, то есть человѣкъ видящій національность въ охабняхъ, мурмолахъ, лаптяхъ и рѣдкѣ, и думающій, что одѣваясь въ европейскую одежду, нельзя въ тоже время остаться Русскимъ, нарядился въ красную шелковую рубаху съ косымъ воротомъ, въ сапоги съ кисточками, въ терликъ и мурмолку, и пошелъ въ такомъ нарядѣ показывать себя по городу. На поворотѣ изъ одной улицы въ другую обогналъ

ошъ двухъ бабъ и услышалъ слѣдующій разговоръ: «Вона! вона! гляди-ко матка!» сказала одна изъ нихъ, осмотрѣвъ его съ дикимъ любопытствомъ: — «глядь-ка, какъ нарядился! должно быть настранецъ какой нибудь!»

АНЕКДОТЫ.

Въ Германіи весьма недавно устроилось общество, имѣющее цѣлію преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые дурно обходятся съ животными. Случилось какъ-то двумъ нѣмцамъ поссориться. — Милостивый государь! сказалъ одинъ изъ нихъ: — еслибъ я непринадлежалъ къ партіи, наблюдающей за тѣмъ, чтобы необищались жестоко съ скотами, то безъ сомнѣнія далъ бы вамъ оплеуху. — А я, милостивый государь, не имѣю чести принадлежать къ ея членамъ, отвѣчалъ другой, влепя пощечину своему противнику.

* * *

Какой-то чиновникъ, человекъ весьма робкаго свойства, неся на утвержденіе директору какую-то бумагу, остановился въ нерѣшимости передъ его кабинетомъ. — «Ска-

жите пожалуйста, Петръ Якимовичъ, произнесъ онъ, подходя къ одному изъ своихъ сослуживцевъ, ожидавшему очереди проникнуть въ комнату присутствія, скажите пожалуйста, нужна-ли вотъ тутъ запятая?... Я знаете-ли какъ-то недовѣряю..... — «Не знаю право», отвѣчалъ Петръ Якимовичъ. Чинovníкъ обратился съ своимъ вопросомъ къ другому. Тотъ, къ кому относился теперь вопросъ, былъ изъ числа тѣхъ людей, которые хотя и боятся давать совѣты, когда неудачливость ихъ можетъ навлечь имъ непріятность со стороны старшаго, но не менѣе того не любятъ и обнаруживать незнаніе чего нибудь, — почему, приложивъ губы свои къ уху недоумѣвающаго сослуживца онъ сказалъ чуть слышнымъ шопотомъ, — «поставьте маленькую» и въ слѣдъ за тѣмъ на цыпочкахъ выбрался изъ комнаты.

* * *

Молодой человѣкъ входитъ въ прихожую знакомаго ему дома. Его встрѣчаетъ шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, дочь хозяйки. «Маменька больна; она не можетъ принять васъ».

— Что съ ней?

— Право не знаю, какъ вамъ сказать?... у ней теперь акушеръ и повивальная бабка....

— Какъ! Да вѣдь вашъ батюшка уже два года не живетъ дома...

— Что-жь такое? Онъ каждый мѣсяцъ пишетъ.

Молодой человекъ, тронутый такою наивностию, на третій день предложилъ молодой дѣвушкѣ руку и сердце. Черезъ семь мѣсяцевъ я крестилъ у нихъ сына. Славный вышелъ мальчишка.

. . .

Шелъ мужикъ по улицѣ; вдали кабакъ.... «Не зайду-же сегодня... зайдешь, Вапъка!... ой зайдешь, плуть.... такъ вотъ-же и не зайду.... мимо!... вотъ и прошелъ...» Ванька дѣйствительно прошелъ кабакъ, потомъ остановился и, довольный собою, воскликнулъ: «Славно, парень.... молодцо! молодцо! какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ!... Ну ступай-же, за то выпей теперъ».... И, натянувшись порядочно, онъ приложилъ руку къ щекѣ и затянулъ веселую пѣсню.

